

ЭТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ “РОДНАЯ ЗЕМЛЯ”

ВЫПУСК ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ:

Юрий Герт

**ПРЕДТЕЧА ПЕРЕСТРОЙКИ
(Иван Худенко)**

Зарина Хисамова

БЕЛГОРОДСКИЙ СТАНДАРТ ЖИЗНИ

Лев Литошенко

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛИ В РОССИИ

Евгений Кондратьев

ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ

Сентябрь 2007

Нина Суходолова,

Тверь

ЗАВТРА БУДЕТ ЛУЧШЕ, ЧЕМ ВЧЕРА

Давайте же поднимемся над бытом,
Над этой бесконечной суетой,
И вспомним о хорошем позабытом,
Что было в нашей жизни непростой,
Иссяк запас бывшего оптимизма,
Растаял незаметно, как свеча,
Наверное, на стройке коммунизма
Немного не хватило кирпича.
Не на вершине мы теперь, на склоне,
И интеллект стал нынче не у дел,
Все дружно поклоняемся Мамоне,
Совсем запас духовный оскудел.
Вздыхают в тишине библиотеки,
Театр сегодня тоже стал пустым,
И правят бал лихие дискотеки,
Дурманит ум марихуанный дым.
А в храмах слышно гул стоит неистов,
Святые лики с жалостью глядят,
Как толпы убеждённых атеистов
В своих грехах покаяться хотят.

ОБРАЩЕНИЕ К ЗЕМЛЯКАМ

«Земля есть ты и в землю отыдеши».

Священное писание.

Упоение перестройкой проходит. Сегодня, когда считается, что западной модели реализуемой в России нет альтернативы, мы считаем необходимым заявить, что такая альтернатива существует. Она начинается с иного отношения к Земле, с возврата к гармоничному взаимодействию с Природой, потому что именно отношения с Землей определяют наше будущее.

Мы не верим, что каждый отдельный человек добровольно выбирает для себя и своих детей смерть от удушья в результате изменения воздушной среды, смерть от мучительной болезни как следствие нарушения экологического равновесия, или насильственную смерть, которая так распространена в наше время. Мы не верим, что жизнь, построенная на обнищании, унижении, несчастьях брата по крови и разуму, угодна человеческой душе и Богу, и может принести кому-то здоровье и благоденствие. Мы объясняем привычные разногласия между людьми именно тем, что сегодня все их интересы сосредотачиваются на видимой глазом сфере материального мира, и связанных с ним социальных отношений. Истинные же наши возможности, как и наши интересы значительно шире.

Мы считаем, что спасение человечества в ориентации на духовное развитие и творческое самовыражение каждого с целью достижения общего блага. То, что люди отличны друг от друга – основное достоинство человечества, признак целостности единого живого организма, основной потенциал его развития, гарантия всеобщей безопасности и средство её достижения. Но всё это остаётся невостребованным. И, более того, разрушается нами в условиях ставшего привычным бега научно-технического прогресса – бега по искусственно пролагаемым дорогам, бега от себя в синтетические кущи цивилизационного рая, всё возрастающего отчуждения человека от ценностей и тайнств жизни.

Изначальное желание сделать природный мир понятным и безопасным потерялось в ощущении упоения своим могуществом, ведущим к умерщвлению всего живого. Человек не понимает, что и сам он изменяется в условиях искусственной среды и умирает вместе с Природой именно потому, что не исполняет своего предназначения, не использует свой разум и свою любовь для сохранения Жизни на Земле. В результате этого социальный мир стал в сотни раз более опасным, чем природная среда, а рукотворные, технологические угрозы превосходят природные по частоте возникновения и количеству пострадавших.

На пути, которым идёт цивилизация, человек теряет свои надежды и иллюзии, но пытается обрести их в алкогольном или наркотическом угаре, страшится времени и потому разрушает мир со сверхзвуковой скоростью, из боязни насилия прибегает к нему первым. Культурные и социальные достижения таковы, что уже давно всё человечество может быть облагодетельствовано ими. Никто не знает изобретателя колеса, но нет человека, который бы им не пользовался. Почему мы присваиваем себе открытия и достижения, плодами выросшие на древе Общечеловеческой Культуры? Почему в XXI веке новой эры мы позволяем насилием утверждать свою правоту? Почему рядом с нами живут нищие, больные, обездоленные люди, а смерть стала привычным явлением нашего культурного бытия? Упиваться картинами смерти, а не радостями жизни – вот смыслы эпохи духовной потерянности.

Россия вышла в этой вакханалии в первые ряды. Страна больна, потому что народ разъединён, а любой живой организм начинается с объединения клеток. Разъединение проходит по целому ряду политических, экономических и социальных обстоятельств, утрате свойств живого организма – радости физического бытия, пластичности и способности к самоорганизации. Люди рассыпаны, словно песок. Что можно строить на песке? В песках живут только пресмыкающиеся.

Какими угодно красивыми словами, можно называть явления и события общественной жизни, но от этого они не перестают быть смертельными по своей сути. Человечество устало обманываться. Мы давно живём в сетях обмана. Первый и самый распространённый миф, что человек – повелитель Природы, сегодня мы знаем, что он разрушитель. Второй, что всё можно купить, но деньги – универсальный механизм, превращения живой материи в мёртвую пыль, самые большие деньги даёт продажа наркотиков. Третий, наш российский обман, что рынок сам, без человека всё урегулирует, результаты тоже очевидны.

В обмане теряются смыслы жизни и мотивация социального взаимодействия. Ментальные и психические нарушения в результате этого обмана приводят к физической деградации и вымиранию. Почему сегодня мы говорим о рынке и законах обеспечивающих его существование, а не о сохранении жизни каждого из нас? Деньги и рынок живут по своим собственным законам, и, если мы не можем уравновесить их нравственными законами, они нас разрушают.

В отличие от человека Земля производит иным образом, а именно – созидательно. Феномен Земли не понят и не оценен человеком.

Продают многие вещи, теперь и землю. За этим стоит желание капитализировать, спекулировать, продать доставшееся бесплатно. В целом рынок – это связь производителей-разрушителей. Прежде, чем создать товар, они что-то разрушили. Суть этого разрушения понятна при различении тела и души, понимании души как объединяющего начала. Дерево, из которого стол изготовлен, имело своё объединяющее начало в виде формы и единства частей, они между собой обменивались соками, взаимодействовали с внешним миром – солнцем, почвой, а предмет, изготовленный из дерева, не взаимодействует ни с кем, им пользуются. Дерево стало древесиной, душа стола уже не его, а того, кто этим пользуется, и в роли стола может быть человек и народ, и человечество, но у производителя – Матери-Земли душа трансцендентна. Земля не убивает душу, а даёт ей развернуться, из потенции душа с помощью Земли реализуется в реальность, воплощается, обретает скрытые в ней формы. Своей души, образа и формы Земля никому не навязывает, кормит собой, возвращает, всё отдаёт и растению и животному и человеку, который питается и тем и другим. Земля делится со своими детьми пространством, пищей, водой, энергиями, полями и токами, ничего не навязывая, а, лелея, пестуя и возвращая, как оно должно быть. Но люди присвоили себе право лишать живые существа и своих соплеменников этих даров. Землю нельзя продавать, потому что продажа – это участие в реализации разрушения – объединение людей по поводу разрушения. Когда предметом разрушения становится сам источник созидания – Мать-Земля – предел перейден. Рынку свойственно требовать от производителя увеличения производства, а от покупателя расширения потребления, и в этом смысле купля-продажа есть выражение всё расширяющегося насилия человека над Природой, над Матерью-Землей.

Искусственный мир, творимый человеком, отучает его от деятельности на земле, готовность предпочесть куску хлеба химически изготовленную пищу проявляет неблагодарность и недалёковидность людей. Наш мир не может существовать в отрыве от Земли, оторвавшись от Земли, он утратит связь с живым, опустеет, а в пустоте живые человеческие проблемы не решаются. Человек забыл, что Земля его кормит, он считает, что может прокормиться за деньги в привычном мире цивилизации, и во имя этого самообмана готов гибнуть вместе с разрушаемой им планетой. Вспомним Суворова, который сказал: мои солдаты денег не едят. Чем мы будем питаться в искусственном мире? Ни профессионал, ни социальный исполнитель – винтик рукотворной общественной системы – не ответят на этот вопрос, поэтому мы обращаемся к человеку в каждом из вас. Мы ждём от каждого признания его личной ответственности за общие результаты деятельности человечества.

Нельзя выжить за счёт смерти.

**Живое или мёртвое – сегодня каждый из нас
своим выбором
определяет будущее Родной Земли.**

ПРЕДТЕЧА ПЕРЕСТРОЙКИ

Известный русско-американский публицист Александр Янов четверть века назад выпустил в США книгу “Иван Худенко – величайший экономист нашего времени”. А что мы знаем о Худенко и его системе?

Глава из книги казахстанского писателя Юрия Герта “Раскрепощение” (Алма-Ата, “Жазушы”, 1990) в немалой степени отвечает на этот вопрос.

Академик Сахаров назвал Ивана Никифоровича Худенко предтечей перестройки. Точнее – “одним из предтеч”.

Предтеча, по Далю, – “передовой, кто явился наперёд другого; кто явлением своим предшествует кому-либо”. Предтечей по церковной христианской традиции называют Иоанна Крестителя.

Иоанну Крестителю, предрекавшему наступление царства справедливости и безбоязненно изобличавшему неправду, независимо от ранга её носителей, отрубили голову. Ивана Никифоровича посадили в тюрьму, где он и умер. “Так был уничтожен Худенко, один из предтеч перестройки; как известно, он был обвинён в нарушении финансовой дисциплины и погиб в лагере”, – сказано Дмитрием Андреевичем Сахаровым в книге “Иного не дано”. Прекрасной книге, написанной нашими лучшими журналистами, экономистами, историками. В ней – попытка научного анализа нашего прошлого и будущего. В ней – надежда и вера. И – развёрнутый мартиролог жертв, коими устлан пройденный нами путь. В мартирологе этом занимает положенное место и Худенко. “Один из...”

Мы долго разыскивали его могилу... Володя Хван, сотоварищ Ивана Никифоровича по эксперименту в Акчи, и шофер Коля. Стояла осень, сухая, жаркая – затяжное алма-атинское бабье лето. Заросли высокой, разогретой солнцем травы чередовались с аккуратными, по-домашнему прибранными могилками, деревца, покрытые жирной, зелёной листвой, и густые кусты сирени мешали разглядывать невысокие, скромные памятники. Когда после нескольких неудачных заходов мне уже казалось, что дальнейшие поиски ни к чему не приведут, раздался глуховато-настороженный голос Володи Хвана: “Здесь...”

Понурые возвращались мы с кладбища к оставленной у ворот машине. Мне вспомнилась ещё и другая, не менее драматичная история Ефима Иосифовича Ландау, литературоведа, в самом начале всё тех же “тихий” семидесятых покончившего с собой.

Мы заехали к Володе Хвану и посмотрели видеофильм об Иване Никифоровиче: отснятую ещё при его жизни ленту “Человек на земле” об эксперименте в Акчи (“Дело преждевременное”, – сказал после просмотра Брежнев, и лента только чудом сохранилась, пролежав восемнадцать лет в архиве Госкино), недавние передачи по местному и центральному телевидению, посвящённые Худенко, – Хван все их бережно переписал и теперь демонстрирует друзьям. К тому, что я увидел в тот день на кладбище, прибавилось впечатление от двух чисел, тут же, прямо с телеэкрана, переместившихся в мой блокнот. За годы застоя наша страна потратила на закупку зерна у зарубежных поставщиков ни много ни мало – около 200 миллиардов, на капиталовложения в сельское хозяйство (с очевидным для всех нас результатом) – 300 миллиардов долларов... Таков был фон, на котором разворачивалась драма Худенко.

Чего же хотел, чего добивался Иван Никифорович? За что так жестоко поплатился?..

Экономист, аграрник, литератор – каждый ответил бы на это по-своему. Что до меня, то я бы сказал: **он хотел, чтобы все были сыты.**

Но разве не того же хотели, не того же добивались, как принято ныне говорить, его оппоненты?

Да, того же. Но это – уже во-вторых. Или в-третьих. Или в-пятнадцатых. Что же до “во-первых”... Во-первых, **они думали о себе.**

Они думали о себе, но говорили при этом о государстве, о народе, о чистоте идеологии, под которой подразумевались цитаты, на любой случай извлекаемые из книг, написанных в другое время и по другому поводу. Мысли, закавыченные в цитаты, употреблялись в качестве то палицы или меча, то – щита или кольчуги, но почти никогда не играли той именно роли, для которой предназначались: шевелить, будить, воспалять самостоятельную, свежую, дерзкую мысль.

Они думали о себе – в том смысле, чтобы некто, стоящий ступенькой выше, был ими доволен, а тем более – некто, стоящий выше двумя ступеньками, а тем более – тремя и так далее, поскольку от этого зависели их собственное продвижение с одной ступеньки на другую и благополучие их детей, жен, родственников и свойственников, их “команды”, то есть – по их понятиям – всей страны.

Всё это называлось высоким словом – патриотизм.

Патриоты награждали друг друга орденами, званиями, звездами. У кого было больше званий и звезд, того считали большим патриотом, чем другие.

Так что разговоров и речей о благе народа и страны было предостаточно. При этом как-то забывались, выпадали из обширного поля зрения те, кто должен был насыщать. На первом плане оказывались те, кого требовалось насытить.

В том году (1963-м) я много ездил по целине, люди жаловались на суховеи, на дурацкие указания – что и когда сеять, когда жать, на скверное положение с жильем, на отсутствие овощей, фруктов... Жалоб хватало. В Алма-Ате, в соответствии с полученной сверху очередной установкой,

резали мелкий скот, кур, а перед магазинами, напоминая о военных временах, с ночи выстраивались очереди за хлебом... И вдруг – этот дом, где никто ни на что не жалуется, не ропщет, где все довольны, даже сами как бы немного удивлены тем, что – смотри-ка – может быть так хорошо!..

Мы слушали, переспрашивали, чего-то не могли понять, чего-то – принять, например, то, что школьники целыми днями – в поле, вместе с отцами, матерями... А как же Пушкин?.. Блок?.. Нам ещё невдомёк было тогда, что **ни Пушкин, ни Блок сами по себе не спасают от раннего ожесточения, от душевной глухоты, от желания прожить жизнь захребетником**, – это потом со всеми вместе мы спохватились... А тогда, помню, заспорили и в ответ услышали:

– Так ведь это пока, на первых порах... Главное – люди до работы дорвались... До настоящей работы!

И так это сказано было – снисходительно, с мягким укором, – что нам неловко стало – за свою узость, книжность, за то, что привычка мыслить по шаблону мешала нам попросту, по-человечески порадоваться тому, что у гостеприимных наших хозяев появилась возможность обзавестись **насуцно необходимым** – телевизором, холодильником, зимней одеждой... Порадоваться – и отделить второстепенное от главного.

Главное же заключалось в том, что “люди до настоящей работы дорвались...” А выглядело это так.

“В Илийском совхозе 96 тысяч гектаров земли, в том числе 55 тысяч гектаров пашни.

Опыт был начат 1 марта 1963 года. В совхозе вместо 3 комплексных отделений и 9 полеводческих бригад было организовано 17 безрядных звеньев, в каждом из которых насчитывалось по 4 трактора, 5 комбайнов и набор других необходимых машин.

Всё это позволило сократить управленческий и обслуживающий персонал в полеводстве со 132 до 2 человек. Если раньше в зерновом хозяйстве на 55 тыс. гектарах пашни было занято 830 среднегодовых работников, то при новой системе потребовалось всего 67 постоянных механизаторов и два управленческих работника – управляющий (он же главный агроном) и экономист-бухгалтер зернового отделения. Прежде на девяти токах работало, в зависимости от количества зерна, 500 – 600 человек. После реорганизации в совхозе было создано три механизированных тока, их обслуживали 12 человек.

Показатели производства зерна механизированными звеньями в 1963 году по сравнению с 1962 годом представляются в следующем виде:

<i>Позиции</i>	<i>1962 г.</i>	<i>1963 г.</i>
Валовой сбор зерна в тоннах	3150	9204
Количество средне годовых работников	202	29
Произведено зерна на 1 рабочего (в центнерах)	156	3173
Заработная плата (тыс. руб.)	181	59

Как видно из таблицы, в 1963 году против 1962 года производство зерна выросло в 2,9 раза, механизированные звенья повысили производительность труда в 20 раз. В 1964 году совхоз сдал государству более 1 млн. пудов хлеба – в два с лишним раза больше, чем в предыдущие годы. Это – результат новой системы организации и оплаты труда.

Рассмотрим суть её на практическом примере работы механизированного звена А. Феглера. Фактическая себестоимость центнера зерна здесь равна 63 коп. За прошлые же пять лет себестоимость центнера зерна колебалась от 5 до 7 рублей. Высокая производительность труда дала возможность значительно увеличить среднемесячные заработки членов звена. Механизатору А. Феглеру было начислено 350 рублей в месяц, а остальным членам звена по 330 рублей каждому”.

Так писал Иван Никифорович Худенко в декабре 1964 года в своей обстоятельной статье для газеты “Сельская жизнь”. Через 10 лет он умрёт в тюрьме, а через 24 года Сахаров назовёт его “предтечей перестройки”, и та же газета “Сельская жизнь” пришлет в Алма-Ату своих специальных корреспондентов, которые на месте подробнейшим образом изучат все перипетии “дела”, перечтут все 12 томов – и о результатах расскажут в статье “Честь и жизнь Ивана Худенко”, требуя не только реабилитации памяти того, “на ком до сих пор стоит клеймо преступника”, но и наказания тех, кто это клеймо поставил...

Но пока до того ещё далеко – до клейма, до тюрьмы, до апреля 1985 года... Ивану Никифоровичу 47 лет, он в самом расцвете сил – крепкий, полный, подвижный, горячий, лысая голова его блестит на солнце, как дыня; в поле, среди разворотливых, улыбающихся ему загорелых хлопцев, он чем-то напоминает сечевика-запорожца... И не даром: родился поблизости от Запорожья, в Херсонской губернии, в селе Музыковке, в крестьянской семье, отец ходил в батраках, служил по найму... Родился же Иван Никифорович в 1917 году, то есть в том самом, когда брошенные большевиками лозунги “Земля – крестьянам!”, “Мир – народам!” и “Вся власть – Советам!”, привели к победе Октября.

И потом, когда слова эти были перечеркнуты “верным ленинцем”, а те, кто шёл с Лениным, брошены в тюрьмы и расстреляны после мастерски, театрально разыгранных “процессов”, крестьянская мечта о своей земле продолжала жить. Своя – отнюдь не всегда означало частная: и общинная – тоже была своя: и обрабатываемая совместно, на добровольных, договорных кооперативных началах – тоже; не своей она сделалась, когда появились жаждущие командовать. Для них командовать и значило управлять. Они считали землю – своей, крестьян – своими, государство, созданное миллионами, трудом и кровью миллионов, – своим государством...

Среди тех, кто с этим не соглашался, был Иван Никифорович.

Худенко мечтал, что бы все были сыты.

И верил, что добиться этого можно только свободным трудом свободных людей на свободной земле. Он не был парящим

в горних высях теории прекраснодушным мечтателем. Он был финансистом. Бухгалтером. Экономистом.

В те самые годы, когда вся страна рукоплескала челюскинцам, когда мальчишки бредили дрейфом на льдине у Северного полюса и чкаловскими беспосадочными перелетами из одного полушария в другое, крестьянский парнишка Ваня Худенко закончил кооперативный техникум и, направленный на работу в совхоз, в семнадцать лет засел за дебет-кредит. Потом была армия. Финская кампания. Отечественная война. И опять – ничего романтического. Армия – не только всполохи “катюш”, идущие в наступление танки, армия – это ещё и самый сложный, не допускающий осечек хозяйственный механизм. Там, внутри этого механизма, набирался опыта лейтенант, а к концу воинской службы, то есть к середине пятидесятых годов – всего лишь капитан Худенко: других званий ему не присваивали, за плечами у него не было ни института, ни академии – всего-навсего кооперативный техникум...

Дипломы давно заменили у нас талант, слова “всеобщее обязательное” вытеснили слово “самородок”... Татьяна Гавриловна, вдова Худенко, рассказывала мне: “Бывало, сидим, смотрим телевизор, вдруг кто-то выступает по хозяйственным вопросам. Иван Никифорович тут же за карандаш, все цифры запишет, пересчитает – и потом свое мнение шлёт: это, мол, верно, а это – неправда, враньё! Он цифры любил, только чтоб честные... А если нечестные, так просто страдал!..”

И ещё:

– Он не порядка не терпел... Говорил: добро у нас под ногами валяется, а мы его топчем...

И ещё:

– Дай человеку свободу, – говорит, – так он горы своротит!.. Очень в свою систему верил. Только через неё можно наше сельское хозяйство переменить, так считал...

Я сидел у Татьяны Гавриловны, она успела отдохнуть после ночного дежурства и – невысокая, крепенькая, с добрым, ещё и сейчас красивым лицом – показывала мне документы, вырезки, пила чаем с лимоном. По пути сюда прикапывал я, по журналистской привычке, подробности, которые после, возможно, пригодятся. Скажем, такая: дом, где жил Худенко и где попрежнему живет его вдова, – двухэтажный, с толстыми кирпичными стенами, старой алматинской постройки, – в двух шагах, через дорогу, от дома, где жил Иван Петрович Шухов. Близкие души, близкие судьбы, а теперь, к тому же оказывается, – и жили рядом... Или такая “деталь”: около, рукой подать – школа № 120. В то лето, когда Иван Никифорович уже сидел в тюрьме, в Алма-Ате проходил громкий, взволновавший весь город процесс: ученики этой школы обвинялись в убийстве. Суд оправдал ребят. Однако по ходу расследования не у меня одного возникло немало тревожных, безответных тогда вопросов, связанных с молодёжью, настроениями, с которыми выходила она из стен школы в большой мир... Но разве не в этом “большом мире” в то именно время разворачивалась драма Худенко?.. Можно не видеть огня, но

слышать запах гари. Ребята чутко ловили эту гарь. Где горит, что горит – они не знали, но запах, от которого не было спасенья (разве что дышать перестать!), сигнализировал: горит, горит!..

Я читал поблекшие листки с написанной от руки автобиографией Ивана Никифоровича, предназначенной для каких-то служебных нужд, читал и совершенно потрясающий, перевернувший мне душу “документ”, хотя тут бы нужно приискать другое слово, но об этом позже... А сам всё думал: отчего?.. Да, происхождение... Профессиональные знания... Стечение обстоятельств... И всё-таки – отчего именно он, Иван Никифорович Худенко?..

И вот, когда я уже прощался с хозяйкой, в прихожей, у вешалки, я что-то брякнул такое – о квартире, уюте, и Татьяна Гавриловна, окинув потеплевшим взглядом скромное, немного старомодное убранство комнаты, видное сквозь распахнутую дверь, сказала:

– Мы тут, в этом доме, с 1957 года, как в Алма-Ату приехали. Ивана Никифоровича в Министерство сельского хозяйства пригласили, вот и дали – на первое время, однокомнатную... А год спустя предложили другую, на улице Ауэзова, только-только дом построили. Пошли посмотреть – что же, хорошая квартира: две комнаты изолированные, кухня... Как раз для нашей семьи, мы вчетвером, с сыновьями, жили – чего еще хотеть?.. А возвращаемся, к своему дому подходим, а у нас внизу, может, заметили – подвальный этаж, там сейчас какие-то конторы располагаются, а тогда – люди жили: керогазы, пелёнки, дышать нечем, детишки один на другом – в окошки выглядывают, глазёнки вровень с тротуаром... Иван Никифорович посмотрел-посмотрел на этих детишек и говорит: – Не нужно нам другой квартиры, и в этой проживём. А то перед людьми будет совестно... – Так вот и прожили все годы, отсюда его и забрали...

И в этом, думаю я, главное: ему было бы совестно, проживи он свою жизнь иначе. Совестно... Всё остальное – потом...

Вначале была СОВЕСТЬ.

И потому на пятом десятке лет, то есть как раз в то время, когда настаёт момент золотого равновесия между “могу” и “хочу” и уже никто не бросается, как в юности, очертя голову, в рискованные предприятия, не имея солидной гарантии успеха, – выйдя на гражданку с отличным послужным списком, будучи директором крупного совхоза, имея отличную репутацию плюс немалую зарплату, Иван Никифорович Худенко бросает вызов существующей системе хозяйствования, государственной структуре, привычному шаблону мысли.

В процессе эксперимента было доказано, что на той же земле, теми же руками, с той же техникой можно поднять производительность труда не на несколько процентов, не в полтора или даже в два раза – в 20 раз! – в расчёте на одного работающего.

Чудо?.. Ещё бы!

Хотя – какое же чудо, если всё как было, так и осталось: земля, люди, механизмы... Всё, кроме организации труда! А ведь в основание

предложенного Худенко безнарядно-звеньёвого метода положен попросту здравый смысл – и ничего больше! И если уж о чуде, так подлинное чудо (от слова – “чудовищно”!) – существование той системы труда, которая столько лет сдерживала развитие нашего сельского хозяйства, да что там – сдерживала: и сейчас, в 1988 году, продолжает держать его на уровне 15 % производительности сельского хозяйства в США!..

Простой здравый смысл (вообще-то вещь редчайшая!) приводит к тому, что в хозяйстве Худенко из 132 “управляющих и проверяющих” лишними оказываются... 130! Заменить работу 132 человек сумели 2 человека! Точнее – не заменить, а во много раз улучшить, поскольку не 132, а именно 2 человека (управляющий, он же главный агроном, и экономист-бухгалтер) позволили хозяйству стремительно прогрессировать! И в том ли дело, что один человек оказался богатырём, способным выполнить работу семидесяти пяти? Да нет же: просто этот один работал, а семьдесят пять – имитировали работу и за это получали оклады, распоряжались, командовали – воплощали в миниатюре административно-командную систему, как станут её называть много позже... И эта система отомстила Худенко: не он, а она его одолела.

Я специально взял только два аспекта в богатейшем опыте совхозного эксперимента, прикрытого скоропалительно, когда от роду ему исполнилось год с немногим: производительность труда и сокращение управленческого аппарата. Этого достаточно, чтобы явным стало, как близка затеянная Худенко “перестройка” – нашей, нынешней!

В самом деле: “Наши современные арендные отношения полностью вобрали в себя методику Худенко. Его идеи – это самоуправление, выборность руководителей всех производственных звеньев, кардинальное изменение условий оплаты труда, отказ от громоздкой системы планирования и учета, резкое снижение численности занятых в сельском хозяйстве работников за счёт роста производительности труда. Вот в чем суть новаций И. Худенко”, – так связывал председатель Госагропрома Казахской ССР Э.Г. Гукасов эксперимент в Илийском совхозе четвертьвековой давности и то, что только-только входит в нынешнюю “перестроечную” практику.

Но когда ещё только вызревали планы нашей перестройки, сдаётся мне, многое казалось куда более лёгким и достижимым... Вероятно, с Худенко было так же.

“По данным ЦСУ СССР, в сельском хозяйстве числится основных производственных фондов на 60 млрд. рублей, а людей занято 40 млн. человек. При новой организации производства потребуется 7 млн. человек, а основных фондов – на 32 млрд. руб.

В настоящее время государство вынуждено строить жилища и культурно-бытовые объекты на 40 млн. человек вместо 7 млн. Но так как всё это невозможно сделать за короткий срок, то почти все 40 млн. тружеников сельского хозяйства живут ещё в примитивных условиях. Если бы ежегодно отпускаемые на эти цели средства использовать для 7 млн. человек, то они, будучи заинтересованы в производстве продукции,

производили бы на 197 миллиардов рублей (сейчас производится на 47 млрд. руб.), или в четыре раза больше. Люди жили бы в культурных условиях, а государство ежегодно получало бы чистой прибыли 170 млрд. рублей, вместо 38 млрд. рублей, получаемых в настоящее время”, – так писал Иван Никифорович Худенко в 1964 году.

И хотя Иван Никифорович меньше всего напоминал сочинителя-прожектера, оврагов оказалось неисчислимое количество.

В 1964 году, когда беспокойный, неуравновешенный Никита Сергеевич Хрущев “по состоянию здоровья” переходит в разряд пенсионеров (“союзного значения”), а его место занимает спокойный, уравновешенный Леонид Ильич, эксперимент в Илийском совхозе закрывают.

Три года спустя Худенко добивается того, что ему дают возможность продолжить эксперимент – в Акчи. Теперь это уже эксперимент в “чистом виде”: для проверки и отработки методики Худенко создаётся “Опытное хозяйство по производству витаминной травяной муки”.

В 1969 году “Литературная газета” выступает со статьей В. Кокашинского: производительность труда в Акчи в шесть раз, а зарплаты рабочих – в три раза выше, чем в среднем по совхозам республики.

Статью перепечатывает югославская “Борба” – под заголовком: “Тайна экономического чуда – в казахстанском совхозе”.

А в 1970 году эксперимент закрывают. Да как!

“Это было похоже на разбойное нападение. В середине дня наряд конной милиции окружил наш завод по производству травяной муки. Людей в буквальном смысле слова стаскивали с тракторов, отгоняли от работавших на заводе агрегатов. Со стороны могло показаться, что идёт облава на крупных преступников... А ведь мы начинали своё дело в пустыне, на голом месте. Под палящими лучами солнца, в клубах пыли прокладывали дороги, тянули линии электропередач, а наши жены, старшие дети в это время сами, хозяйственным способом, строили дома. Какое сердце могло выдержать такое...” – вспоминает участник того эксперимента В. Филатов.

В 1971 году “Литературная газета” послала в Алма-Ату своих корреспондентов, специалистов в области экономики и финансов, и в Союзе писателей Казахстана, в просторном кабинете первого секретаря собрался “круглый стол”, на котором – в первый и последний раз – мне довелось увидеть Худенко.

Собственно, никакого круглого стола и в помине не было, стол был прямоугольный, длинный, полированный... И походил не на стол, а на баррикаду. По одну его сторону сидели Худенко и его товарищи – Филатов, Хван, Ильян, кто-то ещё, по другую – работники министерства, ЦСУ, сельхозуправления. По одну сторону на краю стола лежали крепкие, в буграх и мозолях руки с коротко подстриженными, выпуклыми ногтями – мужичьи руки, желавшие одного – работы, просившие об одном – чтоб не мешали... По другую – бледные, анемичные руки чиновников, не способные работать, но способные мешать...

Так мне казалось: по одну сторону, по другую сторону... Многие были тогда неизвестны, факты воспринимались разрозненно, не связывались между собой. Я не знал, что А. Елеманов, зам.министра сельского хозяйства рес-публики, обращаясь в ЦК КПСС по поводу Опытного хозяйства в Акчи, озаглавил своё письмо так: “Об узаконении экспериментов, открывающих тайну души земледельца”. До чего странный, необычный для министерских кабинетов словарь... Не знал я и о том, что в преддверии смерти из больницы писал он в ЦК Компартии Казахстана и Совет Министров:

“До излечения от болезни я лишен возможности лично информировать Вас о том, что эксперимент в Опытном хозяйстве... дал положительные результаты — производительность труда опережает рост заработной платы, рентабельность тоже выше, чем у соседей и в целом по совхозам республики. Поскольку некоторые руководящие работники МСХ заставляют подчинённых людей, вопреки здравому смыслу, нормальные цифры превращать в порочащие эксперимент материалы, прошу составить объективную справку... и все материалы рассмотреть в сельхозотделе ЦК КП Казахстана или Совете Министров Казахской ССР”...

А. Елеманова, доктора сельскохозяйственных наук, не было за “круглым столом”, он умер годом раньше. Но как бы присутствовал незримо здесь, рядом с Худенко. И там же, рядом были москвичи В. Белкин, В. Переведенцев, В. Ивантер из “Литературки”, и солидарные с ними журналисты “Правды”, “Известий”, “Комсомолки”, “Сельской жизни”, чьё физическое отсутствие вполне компенсировалось хорошо известными публикациями. Всё многострадальное наше сельское хозяйство, великое множество занятых в нём людей – все они тоже как бы присутствовали здесь, и что уж говорить о нашей писательской братии: не вникая в доступные лишь специалистам детали, все мы были, ясно же, за Худенко!..

Возникла дискуссия, длилась она три часа. Аким Тарази, тогда ещё молодой писатель, собкор “Литературки”, выступая, сказал: “Если бы все речи записать на магнитофон, получилась бы захватывающая пьеса, где не надо изменять ни единого слова, ни единой запятой...”

И он написал пьесу. И её вскоре опубликовал журнал “Театр”. И поставил Казахский академический театр... Это была сатира, в которой косвенно, подобно далёкому эху, присутствовали намеки на историю Худеико, развернувшуюся вокруг эксперимента борьбу...

Пьеса прошла в театре один единственный раз. На другой день после премьеры Ивана Никифоровича арестовали.

Соединение двух этих фактов может показаться простым совпадением, если не учитывать, что после закрытия эксперимента в Акчи по приказу министра сельского хозяйства республики материалы против Худенко передали в Прокуратуру, а его самого исключили из партии. И что после “Круглого стола” посланцы “Литературки”, составив “памятную записку” в защиту Худенко, добились приёма на самом высоком

республиканском уровне, но в ответ на свои основанные на точных цифрах аргументы услышали:

– Худенко экспериментировал у нас в двух хозяйствах, когда я был секретарем Целиноградского обкома. Устроил такую безработицу! Еле от него избавились! – так сказал Председатель Президиума Верховного Совета Казахской ССР С.Б. Ниязбеков. – Это дело у всех навязло в зубах! Худенко развалил хозяйство. Он и его люди – жулики и алкаши. – Так сказал Ю. Бурлаков, зав. сельхозотделом ЦК партии республики. Так, пользуясь тогдашними дневниковыми записями, восстанавливают ныне детали того давнишнего визита В. Белкин и В. Переведенцев (“ЛГ”, I.IV.87). Так ни с чем вернулись они в Москву, где, как говорилось раньше, Первым Лицом – уже не республики, а всего государства – об эксперименте Худенко было сказано, будто на камне вырублено: “Дело преждевременное”. Но в жизни, как в пьесе, за спуском или падением следует подъём, взлёт. И если в партии, несмотря на все попытки Ивана Никифоровича, его так и не восстановили, то Прокуратура СССР в ответ на его жалобу сообщила:

“Дело производством прекращено за отсутствием состава преступления” (правда, в ожидании ответа прошло почти два года). И научная общественность в Москве и Новосибирске аплодировала Ивану Никифоровичу – он туда ездил по приглашению, выступал с лекциями, докладами. Помимо Москвы и Академгородка Иван Никифорович побывал в Таллинне, где Эстонская Академия наук оказала ему радушный прием, его приветствовали в Перми... Академики Аганбегян и Заславская хлопотали за Худенко, доказывали важность его эксперимента...

Несмотря ни на что, он не сдавался. Не каялся в несуществующих грехах. Не просил прощения... Такого не прощают. Да ещё и насмешливая, сатирическая пьеса Акима Тарази плеснула масла в огонь...

Спустя два года после разгрома эксперимента в Акчи, после двухлетней травли, клеветы, ложных обвинений, после прекращения Прокуратурой СССР “дела” Худенко за отсутствием состава преступления, Иван Никифорович вместе с участниками эксперимента обращаются в суд по поводу выплаты им денег, которые они честно заработали, но так и не получили. Суд признаёт законность иска, банк принимает документы к оплате... Но ни Худенко, ни его товарищи не получают ни гроша. Худенко, Филатов и Ли оказываются на скамье подсудимых. “Ликвидировав без всяких на то оснований хозяйство, Минсельхоз не имел юридического права изъять его гербовую печать. И она осталась у руководителей уже не существующего совхоза. Конечно, им не следовало бы скреплять этой печатью свой иск о выплате компенсации. Но они это сделали. Положительного решения народного суда по этому иску ответчики, как оказалось, ждали с большим нетерпением, чем истцы...” (“ЛГ”, I.IV.87).

Что ж, Тухачевский – “германский шпион”, Анна Ахматова – “монахиня и блудница”, Худенко – “уголовник”... Разный почерк, разные перья, слова, только чернила одни и те же: кровь...

За полтора месяца до смерти, в тюрьме, Худенко написал письмо, копию с которого показала мне Татьяна Гавриловна.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

**Министру иностранных дел СССР
Громыко А.А.**

Копия:

**редакциям газет и журналов,
ученым АН СССР, писателям,
друзьям и знакомым.**

Около 15 лет газеты и журналы пишут, что в проводившихся мною с ведома ЦК КПСС экспериментах заложено рациональное зерно. Югославская “Борба” перепечатала статью “Литгазеты” за 21 мая 1969 г. под заголовком “Тайна экономического чуда в казахстанском совхозе”. **Чудо состоит в том, что организация труда по ленинским принципам обернулась такой огромной экономией живого и прошлого труда против действующей нарядной системы, что можно было повысить оплату труда людей с 1000 до 10 000 рублей в год, или на 700 рублей в месяц.** Между тем в новогодней (№ I, 1974 г.) “Литгазете” зам. председателя Госкомтруда Сухаревский отметил, что для повышения месячной зарплаты в масштабе страны на один рубль надо выделить один миллиард рублей, а его в бюджете нет. Нет миллиарда, а “безнарядка” даст 440 млрд. добавки. Публичные выступления автора в институтах АН СССР привели к единому мнению: в СССР есть всё для того, чтобы повысить зарплату с 1000 до 10 000 руб. в год, если правильно организовать труд людей.

Истинные результаты эксперимента установлены учеными АН СССР и опубликованы в № 1 журнала “Наш современник” (статья В. Переведенцева “Для всех и каждого”, глава: “Итоги одного эксперимента”).

Я сделал всё, чтобы с помощью Советского Правосудия раскрыть тайну экономического чуда, но Прокуратура СССР добилась незаконного осуждения меня, а также Филатова и Ли – участников эксперимента, когда мы потребовали через суд произвести с нами расчёт по зарплате по методике опыта, надеясь при этом разоблачить в суде противников эксперимента, фальсифицировавших его итоги. Поддержали этот план в министерстве юстиции СССР, но под давлением Прокуратуры Министерство юстиции отказалось от нас.

Мало того, что нам не дали собственных денег и осудили нас за подачу иска – у нас конфисковали личное имущество, хотя мы не только не нанесли ущерба государству, но и никак не могли (через суд!!!) этого сделать. Нам нахально, – как заявил в суде адвокат Козлов: без наличия состава преступления, – инкриминировали подделку документов и покушение на хищение государственных средств в особо крупных размерах, хотя мы подали в суд документы, содержавшие чистую правду.

В соответствии с Декларацией прав человека прошу Вас, а также общественность посодействовать решению вопроса путём разбора дела в новом судебном заседании в Верховном суде СССР, ибо на этом форуме мы раскроем, наконец, тайну экономического чуда и “чудес” фальсификации.

История эксперимента и его суть в Приложении на 3-х страницах.

*Автор безнарядно звеньевой системы
организации труда, И. ХУДЕНКО.
24 сентября 1974 г.*

Дальнейшая судьба этого письма мне не известна. Да и какое значение она имеет?..

Из газеты “Сельская жизнь” за ноябрь 1988 г. “...Через полчаса после ухода тюремного врача Худенко стало совсем плохо. Послали за его другом В. Филатовым, который тоже отбывал срок”. Вспоминает В. Филатов:

“Кризис наступил внезапно. Иван Никифорович приподнялся на своей жёсткой металлической койке, едва слышно произнес: “Вот и все...” – глотнул судорожно воздух и упал на подушку. Врач констатировал сердечно-легочную недостаточность”.

Это случилось не в 1932, не в 1937, не в 1949, не в 1953. Год стоял 1974, 12 ноября.

...И вот я сижу, разговариваю с Татьяной Гавриловной. Золотым ободком светится в стакане колёсико лимона. Во всю стену тёмным гранатовым огнем рдеет купленный когда-то в Монголии ковер – там служил Иван Никифорович, прокладывал дороги. Тихо бормочет старенький чёрно-белый телевизор, сквозь приглушённый звук пробиваются слова об арендном подряде на селе – ещё новинке, но мало-помалу входящей в быт. Домашним, семейным веет от мягких, округлых очертаний лица Татьяны Гавриловны, от её рассказа о сыновьях, – один из них живет в Риге, другой в Алма-Ате, – об Иване Никифоровиче, с которым познакомилась она в армии, в сорок третьем. Он был лейтенантом, она – операционной сестрой в военном госпитале. Родом Татьяна Гавриловна тоже из крестьянской семьи, которая жила под Полтавой, потом перебралась в Сибирь, потом – ближе к дорогим сердцу местам – на Кубань. А жилось и там – до войны – трудно: на пятерых братьев – трое брючат, один другого ждёт, бывало, дома, чтоб переодеться да в школу бежать, в свою смену...

Мягкий говор, неспешная, плавная речь... Но журналистика – жестокая штука, порой – безжалостная.

– Татьяна Гавриловна, – говорю я, – в жизни обычно женщина бывает – не то чтобы умнее, но – мудрее мужчины, она инстинктом издали чувствует опасность... Вы ведь видели, что происходит... Отговаривали вы Ивана Никифоровича? Пытались уберечь?..

– А как же... Говорила, и много раз: если тебе поддержки от начальства нет – оставь свои затеи, никакого толку не добьёшься! А он: “Всё равно буду продолжать! Потому как в одном спасенье – в моей системе!..”

В том-то и дело, что это была не частность, не какое-то единичное усовершенствование – система. То, чего добивался, о чём мечтал Иван Никифорович, включало многое. Увеличение производительности труда – и рост зарплаты, количества товаров, снижение их себестоимости. Появление “лишних рук” на практике означало: благодаря возросшему заработку мужа и социальным ассигнованиям женщина в отдельные периоды жизни может посвящать себя дому, воспитанию детей. Система предусматривала роспуск армии контролёров, понукателей. Прямую заинтересованность управляющих – не в расположении начальства, а в конечных результатах общего труда. В оздоровлении морали, возвращении общества к естественным для социализма нормам отношений между людьми, поскольку единственной мерой, масштабом человеческой личности станет труд.

Это была **система, центром которой был человек свободный**. Но чтобы понять, а главное – на практике утвердить идеи Худенко, нужно было новое мышление.

Он был его предтечей, “одним из...” Одним из тех, кто приходит слишком рано (“преждевременно”, по терминологии эпохи застоя) и кому, в соответствии с обычаями и нравами, то, как Иоанну Крестителю рубят голову, то всаживают без суда и следствия в застенке пулю, то – по судебному приговору – предоставляют право умирать в лагере или тюрьме... Это случается прежде, чем приходит их, а вместе с тем и наше время... Но кто знает, возможно, без них оно не пришло бы никогда...

На материале Нины Савицкой “Честь и жизнь Ивана Худенко”, опубликованном “Сельской жизнью”, размашисто синим карандашом поперёк разворота крупными буквами начертано “Немедленно доложить мне. Михаил Горбачев”.

20 ноября 1989 г. Иван Худенко был реабилитирован. Посмертно. Через 15 лет после смерти. Четверть века назад. А останки его завода по переработке кормовой муки до сих пор висят в Акчи как грустный памятник убитого эксперимента.

Казахстанская просветительская газета “Біз – Мы”

№ 9 (75). 13-27 ноября 2001 года

http://b-m.narod.ru/9_75/8_1.htm

Крылатые слова:

Белые рабы. Белые негры – В Англии так называли рабочих помышленных предприятий, эксплуатируемых капиталистами. Более широкое распространение выражение получило после публикации Ф. Энгельса книги «Положение рабочего класса в Англии» (1845), в которой он замечает: «Гори-филантропы были правы, называя фабричных рабочих белыми рабами». Выражение «белые рабы», «белые негры» применяется к людям, которых нещадно эксплуатируют.

БЕЛГОРОДСКИЙ СТАНДАРТ ЖИЗНИ

Социологи и психологи помогли компании ЭФКО создать систему мотивации эффективной работы для сельских жителей Белгородской области.

"Россия опасна мизерностью своих потребностей", – сказал в позапрошлом веке Отто Бисмарк. Опасна она не только для врагов, но и для самой себя. Западные системы мотивации эффективного труда кое-как приживаются в крупных городах, но терпят полное фиаско за их пределами. Да и Советский Союз погиб в первую очередь из-за того, что социалистическая концепция "морального и материального поощрения ударного труда" не работала.

В российской провинции большинство составляют люди, которых работать не заставят ни деньги, ни власть, ни слава, потому что они им не нужны. А что нужно? Ответ на этот вопрос корреспондент "Эксперта" получил в беседе с Валерием Кустовым - генеральным директором компании ЭФКО, которая производит продукцию под известными торговыми марками "Слобода" и Altero. Разговор наш состоялся в его кабинете на масложировом заводе в городе Алексеевке Белгородской области.

НЕОПРЕДЕЛЁННО–МЕЧТАТЕЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ

– Действительно, когда я увидел результаты социологического исследования местного населения, моё состояние было близко к истерике, – рассказывает Валерий Кустов. – Оказалось, что материальных потребностей у этих людей нет, эмоциональных тоже. То есть, мотивировать их нечем. Каждый второй сказал, что ему не нужен туалет в доме. 28% не видят необходимости в душе, 35% – в легковом автомобиле. 60% ответили, что не стали бы расширять своё личное подсобное хозяйство, даже если бы представилась такая возможность. Такое же количество, 60%, открыто признались чужим людям – опрашивающим,

что не считают воровство зазорным. А сколько ещё просто постеснялись об этом сказать! При этом значительное число "неворующих" отметили, что **им просто нечего красть.**

Оказалось, что **нет и лидеров**, с которыми мы могли бы начать работу: **5% в принципе готовы к предпринимательской деятельности, но прогнозируют очень негативную реакцию окружающих на свои действия и не решаются.** На них опереться мы не могли: 5% против 95% – это война, в которой проигравший понятно кто. Мы были убиты. Ни одной модели ни стандартного, ни нестандартного решения на тот момент мы не видели.

– А зачем вам понадобились мотивированные крестьяне?

– Для развития нашего масложирового производства (ЭФКО производит подсолнечное масло, майонез и мягкое масло. – "Эксперт") нужны были собственные с/х ресурсы. Наши заводы, расположенные в Белгородской области, окружали разорённые хозяйства. С них мы и решили начать. Ведь после развала колхозов каждый сельский житель получил земельный пай – 5-7 га земли, **обрабатывать которые у него возможности не было.** Мы арендовали 114 га. Материальные ресурсы, семена, удобрения, технику мы имели, но сами всю эту землю обработать, понятно, не могли. Поэтому нужно было пробудить у сельских жителей желание работать и энтузиазм.

– **Что вы им предложили?**

– Беспроцентные ссуды, акции, власть, доход, возможность самореализации.

– **И они отказались?**

– В общем, да. Просто работа не пошла. Многие считают, что первые шаги руководителя агрохолдинга очень просты: мы будем владеть, а они будут работать, мы берём на себя ответственность за крупнотоварное производство, а все проблемы крестьян для нас не существуют. **Но проблемы на сельской территории существуют**, и они заставили обратить на себя внимание: мы получили сожжённые комбайны, металлические штыри на полях...

Вот тогда мы поняли, что ситуацию надо прояснить, и пригласили группу московских социологов для проведения исследования, автором и научным руководителем которого стал доктор философских наук профессор Высшей школы экономики Азер Эфендиев.

– **Что ещё показало исследование?**

– Очень много всего. Оказалось, что в среднем каждая 9-10 опрошенная семья живёт на уровне нищеты (из нескольких стандартных вариантов ими выбран ответ "Живём очень бедно, не всегда даже едим досыта"), 59% просто бедны ("Слава Богу, кое-как концы с концами сводим, скромно питаемся, одеты в прочное, но старое, новую одежду и что-нибудь в дом не приобретаем – нет средств"). То есть уровень жизни 70% опрошенных сельских семей оказался неудовлетворительным.

При этом преобладающая в среде мотивация – неопределенно-мечтательная. На вопрос, стремятся ли они к достижению более высокого уровня жизни, осуществляют ли для этого необходимые усилия, каждый второй выбрал ответ: "Мечтаем, надеемся, что как-нибудь положение улучшится". Смирение с нынешним положением и покорность высказала 1/3 опрошенных. И только каждый 5 имеет в каком-то виде достиженческую мотивацию, стремление за счёт дополнительных серьёзных усилий улучшить свою жизнь. Итак, вырисовалась катастрофическая мотивационная ситуация: пассивность, мечтательность, минимизация потребностей и, соответственно, усилий, просто лень.

– Кто больше мотивирован: "зажиточные" или бедные?

– Конечно, "зажиточные" больше. Уклонение от активности развито тем сильнее, чем беднее живёт человек. И это, собственно, объясняет, почему он недоедает. А при такой мотивационной структуре можно ждать, с одной стороны, углубления и расширения нищеты, а с другой – рывка к более высоким стандартам жизни со стороны незначительной части сельских жителей. То есть произойдёт резкая поляризация, что может привести к социальному взрыву на селе.

Вообще крестьяне склонны снимать с себя ответственность за свою жизнь. Абсолютное большинство считает, что их личное благосостояние зависит от того, как развивается общество в целом. К противоположному мнению ("при всех перипетиях нашей жизни в конечном итоге всё зависит от самого человека") склонились 22% – в 3 раза меньше. 50% согласились, что они "такие, какими их сделала жизнь". И только 1/3 ссылается на собственный выбор.

– С чем социологи связывают такую пассивность?

– Этому много причин, и далеко не все понятны. Одна из них – в течение веков самые предприимчивые и расторопные уезжали в города, а в деревнях оставались те, кто вообще не любит перемен. И поэтому последние 10 лет для крестьян – просто мука. Нынешние жители села испытывают мучительный стресс даже тогда, когда председателя колхоза переименовывают в генерального директора или произносятся слова вроде "акции" или "АО".

– А ворует кто больше: бедные или не очень?

– Самое интересное, что крадут все одинаково. Воровство признаётся социальной нормой, оно легитимизировано.

ЭМПАТИЯ – КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО

– Отчаявшись найти решение, мы позвали в Белгородскую область группу психологов во главе с профессором Николаем Конюховым. Они провели огромный объём работы – каждый из исследованных ими крестьян прошел тест "Семантический дифференциал" (360 оценок, сравнений), ММРІ (Миннесотский многофазный личностный опросник –

556 вопросов) и несколько других. В общей сложности каждый крестьянин ответил на 1500 вопросов.

– И каков результат этой грандиозной работы?

– Очень простой. Мы нашли точку опоры, или, точнее, почву, на которой можно построить всю систему мотивации.

Оказалось, что **единственно значимыми вещами для крестьян являются мнение окружающих людей и искренность.** Общественное мнение значимо настолько, что крестьяне не хотят об этом говорить с исследователями. Например, когда им задавали вопрос: "Вам мнение вашего соседа Васи важно?", – ответ был: "Да вы что, да я его, да пошёл он!" А когда спросили не его вербальное сознание, а его душу (через тесты), оказалось, что ради мнения этого соседа он готов на луну запрыгнуть.

И искренность, открытость. У них уровень эмпатии по сравнению с представителями других культур выше на несколько порядков.

– Извините, а что такое "эмпатия"?

– Это эмоционально-чувственное восприятие. Психологи условно разделили всех жителей России на две культуры – рационально-достиженческую, представители которой живут чаще всего в городах, и эмпатичную – жителей периферии. **Они отличаются друг от друга, как небо и земля.**

Например, у селянина в отличие от горожанина минимальна эффективность аудиального канала. То есть мою речь они слышат, но не воспринимают. Я могу их через звукоусилитель хоть в светлое социалистическое будущее звать, хоть в капиталистическое, им это всё равно. У них взамен развито визуальное и кинестетическое восприятие.

– То есть они верят только в то, что видят или пощупают? Почему?

– Эти каналы защищают их от иллюзий. За плечами этих людей очень трудная жизнь, и они знают, что самое опасное – это привнесённые системы ценностей и идей, которые нельзя пощупать и проверить. Их жизненный опыт говорит одно: если кто тебе и поможет в трудную минуту, так это сосед, и всё. И больше никто.

– Тот самый сосед Вася? И поэтому для них так важно мнение соседей, односельчан?

– Да. В ходе опроса моделировались ситуации, когда селянам надо было принять решение самостоятельно. Они тотчас от него отказывались, если оно не совпадало с мнением большинства. Для них значим человек, с которым они постоянно взаимодействуют. Их история привела к тому, чтобы не книжки читать по психологии, а изучать человека через собственное эмоционально-чувственное восприятие.

– То есть они сами хорошие психологи?

– Очень. Когда наши психологи проводили интервью, им очень важно было соблюдать роли ведущего и ведомого. Опытные специалисты пытались создать эмоциональный контакт и почувствовать то же самое, что и собеседник, – в этом состоит их профессионализм. Так вот, многие из этих психологов говорили, что уже на третьей минуте разговора они были не ведущими, а ведомыми. Им отвечали не то, что думает крестьянин, а то, что опрашивающий хочет услышать. Как бы они ни пытались построить свою защиту, эти, казалось бы, необразованные, в фуфайках, люди их просчитывали быстрее. Уровень подстройки у них выше, чем у дипломированных психологов. Это и понятно. Когда внутреннее восприятие человека является основанием для выживания, безусловно, этот канал развивается. Поэтому эти люди очень быстро эмоционально устают. Тогда у них наступает ощущение пустоты, которого они очень боятся, а с ним и эмоциональное перенапряжение. А это уже мордобой, водка и всё остальное. Поэтому они очень берегут свою эмоциональную целостность, они аккуратны в коммуникациях.

– Аккуратны в коммуникациях? Вы же говорили, они открыты, искренни?

– Для крестьян важнее всего их микрогруппа, очень узкий круг людей, где они могут быть полностью открыты. Ведь они не просто открывают душу и чувствуют. Им нужно понять: кто ты по отношению к нему, чего от тебя ждать. Вопрос прогнозируемости для сельского жителя – не желание и не научный интерес, а объективная потребность, обеспечивающая существование его самого, детей, рода. Крестьяне знают, что человек, который рядом, – единственное, на что можно опереться в трудную минуту, ничего другого нет. И поэтому при коммуникации у него тратится огромное количество эмоциональной энергии. И вне пределов микрогруппы селянин в контактах аккуратен.

– Ваша компания, видимо, в его микрогруппу не входит?

– Если бы только это, строить мотивации было бы намного легче. Там есть еще одна радость – двойной зажим Блейера. Это психологическое явление, когда в человеке одновременно уживаются противоречивые чувства, и для него характерно это состояние напряжения, колебания. И если вдруг получается так, что в какой-то момент времени преобладает какое-то однополярное эмоциональное состояние, то с большой степенью вероятности в скором времени оно сменится прямо противоположным. И если сегодня сельские жители относятся к ЭФКО хорошо, то завтра всё может враз измениться – без всякой видимой причины.

– Если они относятся к вам хорошо, то на самом деле для вас это – плохо?

– Да. Вся история им говорит, что не бывает добра и зла, это две стороны одного и того же. Быть передовиком – хорошо, тебе дадут флажок, деньги даже, но у тебя будут мозоли, и ты посадишь здоровье.

Для них нет ничего однозначного, всё имеет две стороны. Чем сильнее их пытаешься в чем-то убедить, сформировать эмоциональный центр в одной плоскости, тем быстрее в противоположной плоскости у них сам собой формируется другой центр.

Вот, казалось бы, пришли мы, инвесторы, – какое счастье! Мы даём им ссуды, строим больницы, школы. Вы думаете, у них всплеск позитивных эмоций?

– **Нет?**

– Хорошо, что к этому времени мы уже многое знали. Мы не хвалили себя, а говорили, что пришли помочь, но бесплатных пряников не бывает. Чтобы добиться симпатии крестьянина, мы должны преподнести две противоположности, чтобы эмоциональный центр смещался совсем незаметно. Мы говорим, что приносим им и что-то хорошее, и что-то плохое, но хорошего немного больше.

– **О чём плохо, что приходит с вами, вы сообщаете?**

– Мы сообщаем, что забираем у них власть, контрольный пакет акций теперь у нас. Но крестьяне получают школы, больницы, корма, технику. И они делают выбор. = МЫ и ОНИ.

ПРАВИЛА И ИНФОРМАЦИЯ

– **Для крестьян важнее всего общественное мнение, а оно легитимизировало кражу. Наверное, вам очень трудно бороться с воровством?**

– В том-то и дело. Воруют они колхозное имущество, а ведь в деревнях двери до сих пор не закрывают. У своего соседа по микросреде красть они не будут потому, что сосед – это, как мы уже говорили, единственное, на что можно опереться в трудную минуту. И сосед это знает. Если станет известно, что Вася украл у соседа, Вася станет изгоем. А хуже этого для него нет, потому что **система межличностной зависимости для него по эмоциональной значимости находится на уровне жизни и смерти.** Мы этим и пользуемся.

Мы попытались создать такую форму социально-экономических отношений, при которой человек был бы включён в коллектив. Я, крестьянин, должен получать деньги, которые обеспечивают нормальное существование. И в то же время от результатов моего труда должны зависеть все окружающие, другие члены микросреды. Гарантом моей эффективной деятельности является не полученный материальный эквивалент, а реакция внешней среды. Как только я начинаю плохо работать, от этого становится хуже всем. А это уже фактор, на несколько порядков лучше обеспечивающий мою эффективность, чем деньги. Для соседа Васи важны не деньги, а то, что я не делаю так, чтобы ему было хорошо. И я знаю, что если я не делаю ему хорошо, он возьмёт шило и поправит меня в нужную сторону. Это система индивидуализма и взаимозависимости, сдержек и противовесов.

– Неужели теперь всё держится на взаимном контроле крестьян?

– Практически да. А по-другому всё равно не получится. Были у нас такие случаи. Тракторист поехал на тракторе домой в соседнюю деревню обедать, истратил лишнее время, горючее. Раньше мы пытались таких наказывать – лишали премии, не давали им работать на хорошем оборудовании. Но крестьяне – это целое. Попытка совершить в отношении одного негативную санкцию приводит к свертыванию среды. Нам казалось: это крестьянам дисциплина нужна, а не нам. Когда мы этому трактористу, условно говоря, по голове даём, мы же им лучше делаем. А они видят негативное вмешательство в свою среду и воспринимают нас как врага. Они сплачиваются и воют с нами, а про то, чтобы со своими разобраться, в пылу забывают.

Существующая теперь система почти исключает наше вмешательство. Она держится на двух вещах: правилах и информации. Мы предложили правила, механизм формирования санкций, их принятие, и отошли. Не мы обеспечиваем их выполнение, а информация.

– Как?

– Издаётся, например, внутренняя газета. В ней мы теперь напишем, что тракторист, его фамилия, имя, отчество, из такого-то колхоза поехал на тракторе домой обедать, израсходовал горючее на такую сумму. Доходность уменьшилась, значит, все получают меньше. Это достаточно для того, чтобы крестьяне бросились выяснять, а Вася в дальнейшем ответственно поступал.

– Как официально оформлены отношения ЭФКО с крестьянами?

– ЭФКО создала на базе колхозов новый тип коллективно-акционерной организации с/х производства. Мы стали совладельцем бывших колхозов, выделили необходимые для подъёма разорённых хозяйств инвестиции и привнесли свой опыт организации. В этом варианте сочетаются два важнейших элемента: с одной стороны, привносится опыт эффективного рыночного конкурентоспособного ведения дел, а с другой – сохраняется общественный характер организации производства с/х продукции.

Ещё социологи нам сказали, что нужно обратить особое внимание на коллективизм. **В стране, где он формировался столетиями, а индивидуализм рассматривался как одно из самых непростительных качеств человека, не может быстро выработаться устойчиво позитивной индивидуальной мотивации. В российской культуре ещё не сложился и ещё не известно, сложится ли, приоритет личной инициативы и активности.**

– И эта форма сотрудничества оправдывает себя?

– Многие элементы этой конструкции работают, и работают прекрасно. Можно съездить в какое-нибудь хозяйство и посмотреть: не герои труда, не передовики, не выпускники Высшей школы экономики, а обыкновенные скотники, доярки, механизаторы в пределах своей фермы знают объём реализации продукции, структуру затрат, алгоритм формирования личной доходности.

Кое-что пока не совсем нам понятно. Но главное – крестьянин должен осознать себя не хозяином, нет, а частью этой жизни. Частью, которая взяла на себя ответственность. Наша задача – сформировать в психике каждого жителя чувство принадлежности к территории. Это у нас получается. Поэтому уровень хаоса на наших территориях уменьшается с достаточно большой динамикой.

*Источник: “Эксперт”, Зарина Хисамова,
14.05.2004*

Литошенко Л.Н.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛИ В РОССИИ

(Новосибирск, Сибирский хронограф, 2001. 536с).

Аннотация.

В 1922 крупнейший российский экономист-аграрник Лев Николаевич Литошенко, до революции – один из главных специалистов по аграрному вопросу в политическом движении конституционных демократов (кадетов), после революции – профессор Тимирязевской с/х академии, ведущий специалист ЦСУ и Наркомфина в области с/х статистики, по горячим следам “военного коммунизма” пишет книгу, оказавшуюся одним из самых подробных и глубоких исследований на тему: земля и революция в России. По причинам политическим у себя на родине ему было трудно опубликовать такой текст.

В 1926 Литошенко оказался в научной командировке в США со своей рукописью, оригинал которой так и оставил в Калифорнии, в Стэнфорде. Вскоре по возвращении на родину в 1930 он был арестован и осуждён по процессу Трудовой крестьянской партии (ТКП), к середине 1930-х выпущен на свободу, в 1938 вновь осужден якобы за попытку воссоздания ТКП, заключен в колымский лагерь, где и сгинул в 1943. А рукопись его так и продолжала храниться в архивах Стэнфордского университета. В конце 1980-х – начале 1990-х американские ученые Б.Патернауд, Т.Эммонс и Д.Дюгарм, обратившись к своему российскому коллеге В.П. Данилову, задумали издать легендарный текст. И вот, наконец – почти через 80 лет после своего создания – книга Литошенко вышла в свет с солидными биографическими и историографическими комментариями.

Итак, о чем эта книга? Современному читателю – неспециалисту в области истории аграрного вопроса в России может показаться странным сам термин “социализация” и, соответственно, словосочетание

“социализация земли”. На слуху нашего времени: “приватизация”, “национализация”, в конце концов, “муниципализация” земли. А вот “социализация”... В ней для большинства остался лишь отзвук смешного, революционно-романтического звучания по мотивам народничества, анархизма и прочих социал-измов. Однако в начале XX века именно термин “социализация” был самым массовым, по крайней мере, в России, обозначением переворота в общественных отношениях на пути к социализму. Лозунг социализации земли — лозунг партии социалистов-революционеров (эсеров), влиятельнейшей партии России, поддерживался большинством социалистических движений страны. И не секрет, что знаменитый ленинский “Декрет о земле” (8 ноября 1917) воспроизводил почти без изменений программные положения социалистов-революционеров.

Принятые меры по социализации земли сводились к следующему: немедленная конфискация, без всякого выкупа, всей помещичьей земельной собственности, а также земель монастырей и государства и передача их в распоряжение местных земельных органов; отмена права частной собственности навсегда; переход всей земли в пользование всех трудящихся на ней; предоставление гражданам права обработки земли в пределах лишь той нормы, которую можно обработать без привлечения рабочей силы; земледелие становится уравнительным и подвергается периодическим переделам в зависимости от прироста населения; наёмный труд запрещается вовсе. Вот это и были, так сказать, формально-правовые основы социализации. Именно в процессах российской социализации Литошенко стремился провидеть логику всякой социальной революции. Недаром своё введение в книгу он завершил следующим утверждением: “Основная мысль автора заключается в том, что русская революция содержит гораздо больше общечеловеческих, чем национальных, черт. Хотя изложение носит большей частью конкретный характер, сквозь описание русских частей должны просвечивать более широкие выводы. По глубокому убеждению автора, “социальная революция”, разразившаяся в любой стране мира, будет идти теми же путями и приведёт к одним и тем же результатам. На долю России выпала только печальная участь дать первый устрашающий и предостерегающий пример”.

Книга Литошенко состоит из трёх лаконично озаглавленных частей: “Аграрный вопрос перед революцией”, “Четыре года социалистического опыта” и “Результаты и перспективы”.

В первой части анализируется аграрный кризис в России конца XIX-начала XX веков, главной причиной которого, по мысли автора, являлось неуклонно возрастающее аграрное перенаселение, а также экономическая дифференциация крестьянства. Правительство пыталось преодолеть кризис суммой мер, принятых под руководством Витте, а потом Столыпина. По мнению Литошенко, высокопроизводительные для с/х и урожайные 1912–1914 свидетельствовали, что узлы аграрных противоречий начинают наконец-то распутываться, но началась мировая

война. Впрочем, и влияние войны на сельскую Россию Литошенко оценивает неоднозначно. По его мнению, война привнесла и положительные моменты в процесс эволюции сельского хозяйства.

Но вслед за войной настала революция. Её воздействию на сельскую Россию посвящена 2 часть книги, где автор фактически реконструировал 4 последовательных этапа трансформации социалистического земледелия, упорно проводившиеся в жизнь революционным правительством России в процессе построения социализма в деревне.

Первый этап, который Литошенко назвал “народническим периодом большевистской земельной политики”, заключался в неожиданно передавшейся от эсеров большевикам убеждённости, что крестьяне суть социалисты по природе своей и в случае создания благоприятных условий для них сами пойдут по пути социалистического земледелия. Принятый революционным правительством “Основной закон о социализации земли” от 19 февраля 1918 и должен был стать необходимым правовым фундаментом для развития социализма в деревне. Литошенко, разобрав основные части этого закона и прокомментировав их как практически невыполнимые, пришёл к выводу: “Закон о земле, как видим, проникнут верой в социалистически-эгалитарные настроения русского крестьянства... Первое полугодие советской власти проходит, таким образом, под знаком благожелательного отношения к крестьянству в целом”. Но, как полагает Литошенко, крестьянская реакция была не созидательной, а глубоко разрушительной: “Революционное крестьянство убивало, резало, жгло, делило и уничтожало... Россия была разорвана на тысячи мелких самоуправляющихся кусков... Земельное право творилось сразу в тысяче мест и на тысячу разных ладов”. Вывод автора о результатах первого этапа также однозначный: “Расчёт на стихийный крестьянский социализм не оправдался. Вместо дружественно настроенных масс перед советской властью стояла глухой стеной мелкобуржуазная стихия... Городскому социализму нужно было овладеть враждебным или, по крайней мере, чуждым ему крестьянством. Новая задача требовала и новых средств”.

Обращение к новым средствам, по мнению Литошенко, означало разрыв большевиков с народнической идеологией. Политической вехой такого разрыва стал конфликт с союзниками по коалиционному правительству — левыми эсерами (июль 1918), подавление их мятежа, формирование чисто большевистского правительства.

По отношению к деревне начинает применяться “метод использования классовых противоречий”. Автор полагает, что составными частями данного метода стали:

- 1) продовольственная политика, связанная с формированием комитетов бедноты в деревне (комбедов), искусственно сортирующая крестьян на бедных (полупролетариат) и богатых (кулаков), с реквизицией ресурсов у последних в пользу первых и городских рабочих;
- 2) насаждение советских хозяйств (совхозов) и коммун в деревне.

В сочетании с хлебной монополией государства, уравнительным распределением продуктов в обществе всё это должно было создать систему социалистического контроля над деревней. Однако, как показывает автор, скоро власть обнаружила, что комбеды не в состоянии расколоть в соответствующем классовом направлении деревню, но часто дискредитируют жестокостями и реквизициями революционную идею в целом. Проиграли в экономическом сравнении с единоличными хозяйствами и советские коллективные хозяйства. Резюмируя итоги второго этапа, Литошенко отмечает: “Идея классового расслоения крестьянства потерпела полное поражение... Перед объединенным крестьянством стоял общий враг — городской рабочий; он строил какое-то неведомое и чуждое крестьянину здание социализма, а крестьянин должен был доставлять ему даровой хлеб, сжимать своё потребление и мириться с тем, что его хозяйство официально признавалось “отживающей” формой землепользования”.

И тогда, по Литошенко, настал третий этап большевистской политики — от начала 1919 до последней четверти 1920. Этому периоду автор дал название “ставка на “середняка” и культурничество”. Большевиками фактически признаётся ошибочность безмерного разжигания классовой вражды в деревне. Партия Ленина теперь делает ставку на середняка как на самого массового представителя крестьянства. Принимается аграрная программа, где намечена система мер по улучшению экономических условий. Литошенко в теоретическом плане характеризует третий этап как следование варианту умеренных аграрных марксистских схем по мотивам Карла Каутского. Но если земельная политика действительно претерпевала существенные изменения, то в продовольственной политике всё оставалось по-старому. Усиливалась государственная монополия на продовольствие, как следствие ужесточалась продразверстка. По мнению Литошенко, старая война между крестьянами и комбедами перерастала в систематическую милитаризацию продовольственного дела. Специально созданная Продармия, состоящая из 800 рабочих отрядов количеством в 20 тысяч штыков и сабель, рыскала по сельской стране, изымая у крестьянства ресурсы для выживания города. Вольная торговля в городах искоренялась, рынки разгонялись, торговцы арестовывались.

Третий этап коммунистической политики Литошенко характеризует как наиболее противоречивый. Именно в этот период советская власть проявляет особо искреннюю культурную и агрономическую заботу о сельском населении (задача Наркомата земледелия), и она же жесточайшим образом через аппараты продразвёрстки грабит российское крестьянство (задача Наркомата продовольствия). Общий вывод Литошенко по итогам третьего периода: “Продовольственная политика энергичнее разрушала стимулы к поднятию производства, чем агрономическая помощь населению их созидала. В результате вырос новый враг советской системы — разрушение сельского хозяйства”. Это

была последняя ступень перед аграрной катастрофой. В таких условиях перед властью, по мнению Литошенко, оставалось два пути:

1. Либерализация земельной политики, отказ от продовольственной разверстки, введение рыночного оборота сельхозпродуктов.

2. Регулирование не только обращения, распределения, но и самого производства в крестьянских хозяйствах.

Большевики выбирают второй, экстремальный, путь, принимают меры, которым Литошенко даёт название “Великая кампания” государственного регулирования крестьянского хозяйства. Это краткая трехмесячная кульминация третьего этапа, как, впрочем, и всего периода социалистических преобразований деревни. Уже к этому времени практически огосударствлена кооперация, приняты грандиозные планы тотального землеустройства и электрификации, через аппарат всеобщей трудовой повинности армии крестьян сгоняют на трудовые фронты, чтобы, по мысли Троцкого, “на практике приучить крестьянскую массу к тому, что новый режим обязывает их известную часть своего труда, своих сил отдавать в виде ссуды или задатка советскому государству, которое раньше или позже вернет их ему в виде продукта городской культуры, в виде просвещения”. А непосредственно для тотальных внутридеревенских преобразований принимается план “Великой кампании” другого видного большевика, Осинского. В рамках этой кампании до крестьян доводился мобилизационный план обязательного засева полей с указанием размера площадей и пропорций культур; крестьяне получали сверху приказания не только о том, чего и сколько сеять, но и как сеять. А далее Литошенко подводит краткий статистический итог земледельческой весны 1921: в целом спад углубился, посевные площади по-прежнему сокращаются. Заключительные комментарии автора к финалу третьего этапа: “Никакого “перелома” в мирозерцании “середняка” не произошло, и никаких трещин оно не давало... Самый лучший госплан засева полей не мог заменить убитых продрозверсткой стимулов к труду и расширению хозяйственной деятельности...”.

В марте 1921 настал 4 этап советских земельных преобразований – Новая экономическая политика (НЭП). Выпуская с весны 1921 по 1922 декреты в новом духе, большевики трубили отбой (по их утверждению, временный) на пути форсированной социализации земли: продрозверстку заменили продналогом, разрешили свободу торговли, постановили не стеснять экономику крестьянских и кустарных хозяйств запретами. В мае 1922 был принят “Основной закон о трудовом землепользовании”, решительно изменявший действовавшее до тех пор эсеровско-большевистское право. Литошенко не анализирует подробно НЭП, это не входит в цели его работы, лишь в заключении второго раздела своей книги подчеркивает: “Практика новой политики означает отказ от немедленного осуществления социализма. Идеал обобществлённого производства отодвигается вдаль... Остаётся учесть результаты этого беспримерного в истории человечества социального опыта”.

Учёту этого беспримерного опыта статистик Литошенко с бухгалтерской скрупулёзностью посвящает 3 раздел своей книги. Первая же глава раздела самым своим названием — “Разрушение сельского хозяйства” — однозначно итожит революционный аграрный опыт России. Глава переполнена цифрами сельскохозяйственных показателей революционных лет, свидетельствующих о глубочайшем спаде аграрного производства.

Перед нами картина несомненной катастрофы. “Сельское хозяйство огромной страны из года в год разрушается и приходит в полный упадок”.

Далее Литошенко обращается к причинам этого упадка, выделяя семь основных:

- ✦ механическое влияние войны или результаты экономической политики;
- ✦ результаты дополнительного наделения землей;
- ✦ рыночная конъюнктура во время революции;
- ✦ революционные налоги;
- ✦ тяжесть продовольственных и сырьевых налогов;
- ✦ трудовая повинность;
- ✦ итоги влияния “старой” политики.

Все эти причины привели фактически к перерождению самого крестьянского хозяйства. Под их воздействием произошли нивелировка размеров и доходов крестьянских хозяйств, их натурализация, а также резкое падение потребления сельского населения. Всё это Литошенко называет *натурально-потребительской реакцией* на меры *социалистической революции*. Главным последствием данной реакции стала *опасность хронического голода*. Автор анализирует показатели бедствия 1920–21 голодных годов, подчеркивая, что большевикам в данном случае было бы выгодно всё списать на засуху, периодически поражающую сельские пространства России. Но Литошенко статистически обосновывает и другую закономерность: там, где реквизиции хлеба у крестьян производились наиболее жестоко и беспорядочно, а именно в регионах Поволжья и Приуралья, там и бушевал голод в наибольшей степени.

По мысли Литошенко, идеология НЭПа так же двойственна и противоречива, как и предшествующая идеология военного коммунизма. Итожа противоречивые стороны НЭПа, автор резюмирует: “На одной чашке весов мы имеем: хитроумное земельное право, пытающееся совместить последовательный принцип национализации земли с “прочным” порядком землепользования, похожим на частную собственность; широкие планы агрономической помощи населению, финансируемые иногда одними доходами от тотализатора; платоническое покровительство кооперации; ...тщетные попытки организовать сельскохозяйственный кредит без капитала в руках и без права залога земель; фантастические проекты “электрификации” нищих, разорённых хозяйств... На другую чашку весов падают: запрещение под страхом уголовной ответственности всякого земельного оборота, ограничение

применения наёмного труда, недопущение долгосрочной предпринимательской аренды и извлечение громадных, прогрессивных натуральных налогов”. Первая часть-“чашка”, по мысли Литошенко, как всегда утопична и неисполнима, вторая часть-“чашка” и отражает истинную весомость новой советской политики. В её сторону, в конце концов, как обычно, и склонится всё аграрно-экономическое развитие России под эгидой советской власти. А это значит, что наследница социализации земли — натурально-хозяйственная реакция — и далее будет упрочивать свои позиции. Чтобы избежать этого, Литошенко в конце книги, в последней её главе, характерно озаглавленной “Единственный путь”, предлагает свою трактовку положительного пути развития сельской России. Трактовка неоригинальна, впрочем, сам автор на оригинальность не претендует, заявляя: “После многолетнего блуждания по окольным путям, злобой дня снова становится лозунг столыпинской земельной реформы. Ставка на сильное хозяйство опять сделалась неизбежной...”. Далее следует изложение всем известной либерально-экономической программы, посвященной развитию сильных хозяйств на почве слаборазвитых обществ, удобряемой категориями свободного рынка. В любом случае, отмечает либеральный автор, всю экономику России придется восстанавливать за счёт крестьянства, ибо “при всяком строе и при всякой экономической политике промышленность и государство могут содержаться только за его счёт”. Ясно, что необходимо отказаться от большевистского размаха социальных программ, ибо “путь к прочному богатству народному лежит через временную бедность государства”. А так как народное хозяйство России “отброшено на много десятилетий назад”, то “мы снова должны пережить период первоначального накопления... Только так и такой ценой могут быть восстановлены капиталы и национальный продукт..., это будет самый короткий и дешёвый путь экономического возрождения”. На этом и книжке конец.

Для современного читателя исследование Литошенко может быть интересно, прежде всего, в трёх аспектах.

1. Читатель получает доступ к уникальной и первоклассной статистической информации времен гражданской войны и революции в России, которую собрал и проанализировал крупнейший статистик-экономист своего времени. Не останавливаемся на этой теме подробнее, потому что в деталях она представляет интерес главным образом для специалистов по истории и экономике России начала XXв.

2. Работа Литошенко демонстрирует типичные ментальные особенности, характерные для почти любого политизированного российского интеллектуала, независимо от его конкретных политических предпочтений. Л.Н. Литошенко был кадетом, а русских кадетов недаром часто называли большевиками с противоположным знаком. Кадет Литошенко демонстрирует типично большевистский экстремизм, но противоположного толка. Такое же манихейское чёрно-белое, бинарное восприятие действительности: свой – это буржуа, чужой – это коммунист,

а меж ними “болото” из всяческих эсеров и народников. Литошенко чрезвычайно уважает жёсткую руку, твёрдую волю, кратчайший путь, преданность идее. За это он ценил курс Столыпина, за это, как ни парадоксально, злорадствуя, он, тем не менее, восхищался партией большевиков. Вот его чрезвычайно показательные, почти сочувственные, характеристики большевистского опыта: “Большевикам приходилось строить почти на пустом месте. И мы должны с полной откровенностью признать: постройка велась умелыми руками. Большевики действовали не только по букве, но и по духу социалистического учения. Везде, где не хватало готовых решений, а таких случаев было большинство, они изобретали свою собственную формулу. При этом их выбор всегда падал на решение, наиболее отвечающее основным принципам социализма... Как в аграрном вопросе, так и во всех других отраслях экономической политики большевики шли всегда кратчайшим и наиболее практическим путем... Зигзаги коммунистической политики обусловлены не ошибками мышления, а объективными условиями, не предусмотренными социалистической теорией... И если в конце концов социалистическое здание лежит в обломках, то в этом вина не строителей, а тех принципов, по которым воздвигалась постройка”. Вот так, чем хуже, тем, стало быть, лучше: “единственно правильный путь” Ленина/Осинского мигом дискредитирует себя, в момент уступит место “единственно правильному пути” Столыпина/Литошенко. А с их точки зрения, “крестьянин — природный фритредер и крайний индивидуалист”, который обязательно заживёт рыночной фермерской жизнью, как и подобает природному буржуазному человечеству.

И здесь мы обращаемся к чрезвычайно важному третьему аспекту — к пророчествам Литошенко о скором пришествии либерализации (кратчайшей и дешевлешей) в российскую деревню. Во-первых, пришествие сильно запоздало, этак на 3-4 людских поколения, надолго задержавшись из-за возникновения и развития колхозно-совхозной системы, которую Литошенко абсолютно проглядел в своих пророчествах.

Наконец после 1991 пришествие состоялось. И что же мы увидели?! Найдётся ли современный Литошенко с противоположным знаком, способный проанализировать причины упадка нашего сельского хозяйства, отброшенного на несколько десятилетий назад к статистическим показателям конца 1950-х, начала 1960-х? Где тот современный контркадет, который от души позлорадствует над мизерным фритредерско-индивидуалистским потенциалом современных российских селян, придерживающихся “убожества” своих колхозов и совхозов, сторонящихся “роскоши” фермерского хозяйства. Какой мудрец обратит внимание общественности, что на селе вот уже почти 10 лет как бушует та самая, по Литошенко, **натурально-хозяйственная реакция** мелких и мельчайших производителей (с наделом земли от 6 соток до 0,5 га), низкопродуктивная, высокочатратная, малорыночная — и, тем не менее, производящая до 60% всей сельскохозяйственной продукции России?

Тут кто-то, может, возразит: “А голода, голода-то теперь как при большевиках не было?!..” Ну, и слава Богу. Хотя по контрлогике Литошенко это произошло лишь оттого, что постсоветские либеральные правительства все были какие-то мягкотелые да оппортунистические, не чета большевикам. А если б они, “капитализации” земли ради, учредили бы по всей России “богачбеды”, которые за год недрогнувшей рукой выкорчевали бы все колхозы да совхозы, а на следующий год насадили бы фермерские хозяйства, глядишь, год на третий мы бы и голодать начали.

В жизни нет самых “кратчайших, дешевейших, единственных путей”, критике и поиску которых на примере аграрной России посвящена книга Л.Н. Литошенко.

Многообразие извилистых и трудных путей – вот главный путь развития человеческой истории вообще и истории земледелия в особенности.

Текст книги на http://e-lingvo.net/library_download_4498.html

Социализация земли – переход земли из частной собственности в общенародное достояние. Впервые требование С. з. было выдвинуто партией эсеров в 1906 в аграрной программе. С. з. рассматривалась ими как передача всей земли в распоряжение органов самоуправления без выкупа и уравнильное распределение её по трудовой или потребительной норме между крестьянами, которые вели хозяйство собственным трудом. Эсеровская аграрная программа, исходя из идеи уравнильного землепользования, выражала стремление крестьян к разделу помещичьих земель и объективно соответствовала их настроениям во время буржуазно-демократической Революции 1905—07. Поэтому она пользовалась поддержкой крестьянства. Однако эта программа не выходила за рамки буржуазной революции, т.к. не связывала решение аграрного вопроса с уничтожением частной собственности как основы капитализма. В.И. Ленин и большевики критиковали эсеровскую программу С. з. за то, что она смешивала понятия социализации и буржуазной национализации, социалистические и демократические задачи революции, ибо уничтожение частной собственности на землю при сохранении её на другие средства производства в условиях товарного производства (даже на общей земле) вело бы к развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве, к углублению классовой дифференциации крестьянства. Анализируя революционные выступления крестьянства, Ленин показал, что “мелкие собственники-земледельцы в массе высказались за национализацию...”. Программа эсеров в условиях сохранения капитализма не могла быть мерой социалистической аграрной революции, а была утопическим программным лозунгом. На деле она явилась грубым обманом крестьянства. После Февральской революции 1917 эсеры отказались от

своей программы С. з., отстаивали помещичью собственность на землю, встали на путь соглашения с контрреволюционной буржуазией.

Учитывая большую популярность лозунга уравнительного землепользования среди крестьянства, большевики в октябре 1917 включили термин “С. з.” в Декрет о земле, основные положения которого получили развитие и конкретизацию в ряде последующих законодательных актов Советского государства, в частности в “Основном законе о социализации земли” от 27 января (9 февраля) 1918. С. з., проведённая в России, фактически означала “национализацию земли” и доведение до конца задачи буржуазно-демократической революции. Земля перешла в собственность Сов. государства и стала общенародным достоянием. В этих условиях С. з. по существу была мерой социалистической революции, а осуществление её создало предпосылки для последующего социалистического преобразования сельского хозяйства.

Лит.: Ленин В. И., ПСС., 5 изд.; Луцкий Е., Закон о социализации земли, “Вопросы истории”, 1948, № 10; Гусев К. В., Шарапов Г. В., К вопросу об отношении большевиков к программе социализации земли, в сборнике: Из истории рабочего класса и крестьянства СССР, М., 1959.

Декрет о земле

– один из первых декретов Советской власти, принятый Вторым Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов в 2 часа ночи с 26 октября (8 ноября) на 27 октября (9 ноября) 1917. Проект декрета был подготовлен В. И. Лениным и представлен им съезду в докладе о земле. При написании Д. о з. Ленин использовал “Примерный наказ, составленный на основании 242 наказов, доставленных местными депутатами на 1-й Всероссийском съезд крестьянских депутатов в Петрограде в 1917 году”, раздел которого “О земле” целиком вошёл в текст декрета (ст. 4).

Декрет отменял помещичью собственность на землю без всякого выкупа и передавал помещичьи, удельные, монастырские, церковные земли со всем инвентарём и постройками в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, на которые возлагалось принятие мер для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений. Декрет устанавливал также, что земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются. Декрет определил новые принципы землевладения и землепользования: право частной собственности на землю отменялось, запрещались продажа, аренда и залог земли, вся земля объявлялась всенародным достоянием, т. е. переходила в исключительную собственность государства (что означало национализацию земли); земельные участки с высококультурными хозяйствами, питомники, конные заводы и прочее, а также весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель передавались в исключительное пользование государства или общин; право пользования землёй получили все граждане при условии обработки её своим трудом, семьёй или в товариществе без наёмного труда, на основе уравнительного землепользования при свободном выборе форм землепользования, в том

числе и артельной. По декрету крестьяне России получили бесплатно 150 млн. десятин земли, они были освобождены от уплаты 700 млн. рублей золотом ежегодно за аренду земли и от долгов за землю, достигших к этому времени 3 млрд. рублей. Основные положения Д. о з. были развиты и конкретизированы в ряде законодательных актов Советского государства, в том числе в законе “О социализации земли” 1918, в Земельном кодексе РСФСР 1922 и др. Осуществление Декрета о земле и др. актов аграрного законодательства Октябрьской социалистической революции обеспечило поддержку Советской власти со стороны трудового крестьянства, ликвидацию помещичьего землевладения и класса помещиков и создало “... земельный строй, наиболее гибкий в смысле перехода к социализму” (Ленин В. И., ПСС, 5 изд., т. 37, с. 326).

Лит.: Ленин В. И., Доклад о земле 26 октября (8 ноября). [Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25–26 окт. (7–8 ноября) 1917 г.], ПСС, 5 изд., т. 35; Ленинский декрет “О земле” и современность, М., 1970; Луцкий Е. А., Ленинский декрет “О земле” в советской исторической литературе 1917 — начала 1920-х годов, в сб.: Труды Московского Гос. историко-архивного института, т. 26, М., 1968; Декреты Советской власти, т. 1, М., 1957.

Е. А. Луцкий, БСЭ, М., “Советская энциклопедия”. 1969–1978.

Евгений Кондратьев

ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ

Аннотация

Данный проект есть изложение результатов рефлексивного поиска по задаче «Почему в России реформы не имеют успеха»

Полученные результаты:

- выработано понимание причин не успешности реформ;
- найдена система власти, обеспечивающая выживание страны;
- предложена организация людей во власти на основе измерения разумности исполнителей (она же есть инструмент совершенствования мышления);
- предложена новая структура функционирования всех ветвей власти;
- предложена количественная мера оптимизации управления государством;
- предложен язык для количественного описания и оценки проектов действий для специалистов и продвинутого населения.

1. Введение

Материал методологический, а не технический. Излагается логика, которую надо понять, принять и только потом, возможно, критиковать. Объём материала доклада значительно более чем на 30 мин, поэтому для скорости я иногда буду читать куски лаконично сформулированного текста.

Рефлексия это свойство совершенного мышления, заключающееся в разумном прекращении решать прямую задачу (если она не решается) и переходе к альтернативной задаче - «Почему прямая задача не решается».

Если удаётся понять причины не решаемости прямой задачи, то предполагается возможность устранения этой причины и тем самым обеспечить решение прямой задачи.

Для решения этой альтернативной задачи применим наиболее высокий известный уровень рассмотрения проблемы. Будем рассматривать проблемы России с точки зрения эволюции в природе.

2. Россия в эволюционном процессе.

Здесь задачей каждого живого субъекта в мире (человека, государства) является выжить, заполнить свою экологическую нишу и просто увеличить численность людей государства. Это происходит при конкуренции интересов всех государств. Другого пути нет.

- Как это происходит в жизни при успешном выживании?

Субъект, как хозяин себя, ставит цели (Ц), пытается реализовать их (Р), и анализирует (А), что из этого получилось. Повторяя много раз эти процессы ЦРА, меняя цели, и способы их достижения, субъект добивается увеличения своих ресурсов, что даёт ему возможность размножиться и выжить в конкуренции.

- Как это происходит в России?

Не ставится управляющей системой страны цели выживания страны как главной, нет видоизменения способов реализации даже второстепенных целей (капитализма) как средства подчинённого выживанию страны. Нет анализа пройденных шагов и выводов из этого. Действия управляющей системы страны с точки зрения большинства других государств, оцениваются как неразумные по отношению к себе. (Потерян разум). Неудивительно, что при таких действиях ресурсы страны уменьшаются катастрофически, численность людей в стране уменьшается. То есть страна умирает.

- Почему так происходит в России?

Потому, что управляющая система государства перестала работать на население (или потеряла разум, или безмерна наглость людей там) и стала работать на себя.

То есть наш «приказчик» возомнил себя хозяином, объявив нас рабами, о которых он будет заботиться.

Только так можно интерпретировать запрет нам быть хозяином страны.(т.е. ставить цели и добиваться из реализации).

Вывод:

Выживание народа в эволюционном процессе требует, чтобы он был хозяином на своей территории

• Следствия:

- необходимо удалить приказчика от власти, применив к нему насилие (кнут).

– **обрести роль хозяина страны - цель общества**

• Пояснения

Термин «хозяин» страны является ключевым в понимании причины всех неудач всех «реформ» в России

Хозяином является тот, кто имеет возможность:

- **подготавливать и принимать решения в стране**

- **осуществлять свою власть непрерывно во времени**

- Примем как аксиому – в стране происходит всегда только то, что нужно хозяину.

В истории России хозяином страны были как отдельные люди, так и группы людей – Сталин (1925-1953), бюрократия (1953-1991), капитал (1992-2000), иерарх(автократ) 2000-1006.

Заметим , что существует прецедент владения властью сразу многими. То есть наша задача – обществу обладать властью не утопия.

- Принцип построения власти общества должен быть подобен интернету – то есть власть должна быть распределена по территории страны, и обладать свойством самоорганизации.

Общий Вывод: причина не успешности реформ России состоит в отсутствии власти у общества. Эту власть надо обрести

3. Системы власти или власть как процесс управления.

Система власти в ряду понятий – общественный строй, идеология, программа действий, исполнитель программы, является наиболее высокой в иерархии этих понятий.

Существо системы власти определяется структурной схемой, объединяющей понятия – народ,его цели, исполнительная власть, архитектурная власть, обратная связь.

Государство это хозяйство и им надо управлять непрерывно! Для этого надо:

- ставить цели управления (реализация принципа разума)

- **решать архитектурные задачи**, то есть выработать оптимизированные варианты предполагаемых действий

- Принимать и исполнять решения

- анализировать, что получается из исполнения и вновь ставить цели.

Известны следующие системы власти:

- Автократия. Здесь все задачи управления делает иерарх и его аппарат.
- Автократия с имитацией демократии. Здесь тоже аппарат и иерарх делают всё, но дополнительно затрачиваются ресурсы на выборы, не влияющие на жизнь в стране. (это у нас в стране)
- Демократия – система с непрерывно замкнутыми ключами S1 S2 и глубокой обратной связью (см рисунок).

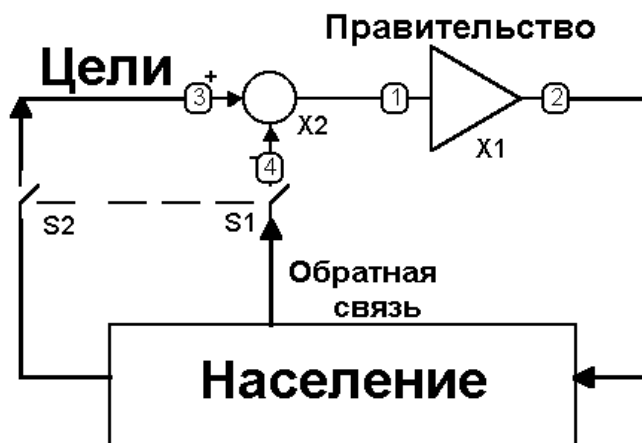

Рис1 Структурная схема управления государством

В настоящее время у нас ключи S1 S2 нормально разомкнуты и замыкаются кратковременно на время выборов. Так что в течение всего срока 4 лет иерарх не охвачен обратной связью, может делать что хочет «во благо народа». А на время выборов технологии управления общественным мнением не позволяют населению реально поставить цели. S1 на схеме установлен для управления иерархом (как главой правительства), но он во время правления разомкнут, управление невозможно. Вся полнота власти в течение 4 лет у иерарха и его аппарата. Аппарат представляет иерархическую структуру, властвующую параллельно с иерархом. Причём иерарх не может препятствовать власти аппарата, так как он опирается на этот аппарат. Интуитивно понятно, что люди аппарата работают на себя в аппарате, а не на государство и иерарх с этим ничего сделать не может. Люди аппарата стыкуются по интересам с капиталом и отсюда результат, который мы наблюдаем – ресурсы страны с значительной степенью на людей страны не работают. Поэтому в самой богатой стране люди самые бедные. Такова неумолимая логика. Устранить данный режим можно только убрав иерарха в качестве хозяина страны. Требуется подчинить аппарат населению так, чтобы любой чиновник мог делать только то, что надо населению.

Исходя из существа процессов здесь, будем называть **данный режим управления автократией с имитацией демократии**. Реальное управление здесь по эффективности не отличается от

автократии, и даже хуже. Так как отвлекаются значительные ресурсы на проведение выборов, которые ничего не могут решить в жизни государства. Однако в данной схеме предполагается, что население может (в состоянии) выдвигать цели и корректировать правительство в процессе реализации целей.

Существует ещё один третий режим (системы власти) работы данной схемы – он состоит в непрерывно замкнутом состоянии $S_1 S_2$ и в реализации режима глубокой обратной связи. Количественно это означает, что петлевое усиление (коэффициент усиления от входа «население» до выхода «правительства» при разомкнутом выходе) много больше единицы. Рассмотрим «физику» работы в этом режиме подробнее в динамическом режиме по радиотехнической аналогии схемы. Предположим, что задана цель в виде усиления сигнала синусоидальной формы. Будем считать, что у усилителя (без обратной связи) искажающая возможность состоит в изготовлении треугольной формы сигнала из синуса. Тогда в режиме с обратной связью по мере нарастания мгновенного значения синуса будет образовываться на инвертирующем входе вычитающего устройства сигнал различия между треугольной формой и синусом. Этот сигнал поступает на вход «правительства» в противофазе, образуя предискажения. С учётом которых сигнал на выходе будет очень мало отличаться от синуса. Этот эффект глубокой отрицательной связи очень хорошо знаком людям с радиотехническим образованием и визуально на осциллографе «делает из треугольника синус» при замыкании обратной связи. Выглядит очень эффектно, впечатляет. Данный рассмотренный режим реально лишает правительство власти искажать цели населения. И это при формальном наличии руководителя правительства. Введя эту систему, мы не устраняем «иерарха», но лишаем его власти полностью. Он не только не может теперь искажать цели, но и не может устранить глубокую обратную связь с непрерывно замкнутыми ключами.

Выводы :

- Иерарх лишается власти и центр власти перемещается к населению.
- Цели населения, наконец, начинают выполняться, что означает наличие власти населения, то есть наличие демократии
- Мы диктуем исполнительной власти что делать, а не она нам.

Отсюда выводы:

Нам необходим переход от автократии с имитацией демократии к демократии.

Отсутствие этой системы управления в стране и есть причина всех неудач предыдущих реформ в России.

Потому и не произошло изменений к лучшему в нашей жизни после введения капитализма в 91 году, так как сейчас сохранился режим автократии с имитацией демократии как и было в СССР.

О возможности мирного перехода к демократии

Должно быть понятно, что ни один иерарх добровольно не расстанется с властью. То есть данный желательный нам режим не может быть введён указом иерарха, ибо тем самым он должен лишить себя власти, что невозможно. Поэтому необходим фазовый переход(бифуркация), синергетическая самоорганизация. Это ещё называют иногда революцией. Отсюда и наша цель ближайшая – отказ от выборов и массовые заявления людям управляющей системы страны о дезавуировании нами власти, данной им нами же ранее.

Трудности перехода и принятия нами решения

Всё прекрасно, но как это можно реализовать на практике, и как можно суммировать миллионы волей? И как можно отказаться от выборов? Ранее мы всегда выбирали власть, но теперь при новом порядке властью являемся мы сами и навсегда. Как это можно себе представить? Пока предположим, что это возможно. Прежде всего, давайте осознаем выбор, который нам предстоит. Или мы принимаем данную систему и тогда мы как государство можем выжить в эволюции. Или будет продолжаться умирание страны. Надо решать каждому. Далее ваше волевое решение. Может у вас есть третье решение?

4. Реализация власти

Главный вопрос - Как организовать людей общества для активного участия в управлении страной, т.е. как распределить людей по уровню мышления и квалификации.

Ответ – на основе разума, но должна быть процедура технического измерения разума исполнителей, иначе разговор о разуме только слова.

Оказалось, что существует для этого готовый инструмент измерения разумности. Причём такой инструмент, что не было ещё в истории претензий к нему. Его суть - это организация людей в деятельности аналогичной шахматной. В шахматах все в профессии участвуют в турнирах, где и происходит само отбор по квалификации каждого на успешность прогнозирования будущего. Тоже должно происходить при прогнозировании в экономике.

Таким способом можно и нужно выявить людей с совершенным мышлением. Они должны образовать структуру в стране, подобную шахматной пирамиде. Лучшие «шахматисты» должны образовать системную власть страны, как высшую власть в стране. Менее квалифицированное население есть резерв для аналитиков системной власти, и они же все должны образовать текущее измерение результатов выполнения программ реализующих цели, также создаваемые населением. Подробнее о этом ниже в структурной схеме функционирования власти.

О совершенстве мышления

Очень важно, что организация людей, подобная шахматной, является инструментом очень качественного совершенствования мышления людей.

А качество мышления в управлении страной есть самое главное условие не только выживания, но и будущего расцвета страны. То есть реализация предлагаемого построения системы власти есть залог успехов не только текущих, но и будущих. Эти же люди с совершенным мышлением необходимы для работы в области высоких технологий.

Структура функционирования власти

Тексты ниже приведённой таблицы комментировать нет необходимости. Принципиально здесь то, что:

Население выполняет ключевые роли – ставит цели, принимает или нет проекты действий для реализации целей, вырабатываемые системными аналитиками, оценивает непрерывно во времени исполнение проектов по изменению уровня своей жизни. И может приостановить выполнение проекта постановкой новой цели и нового проекта.

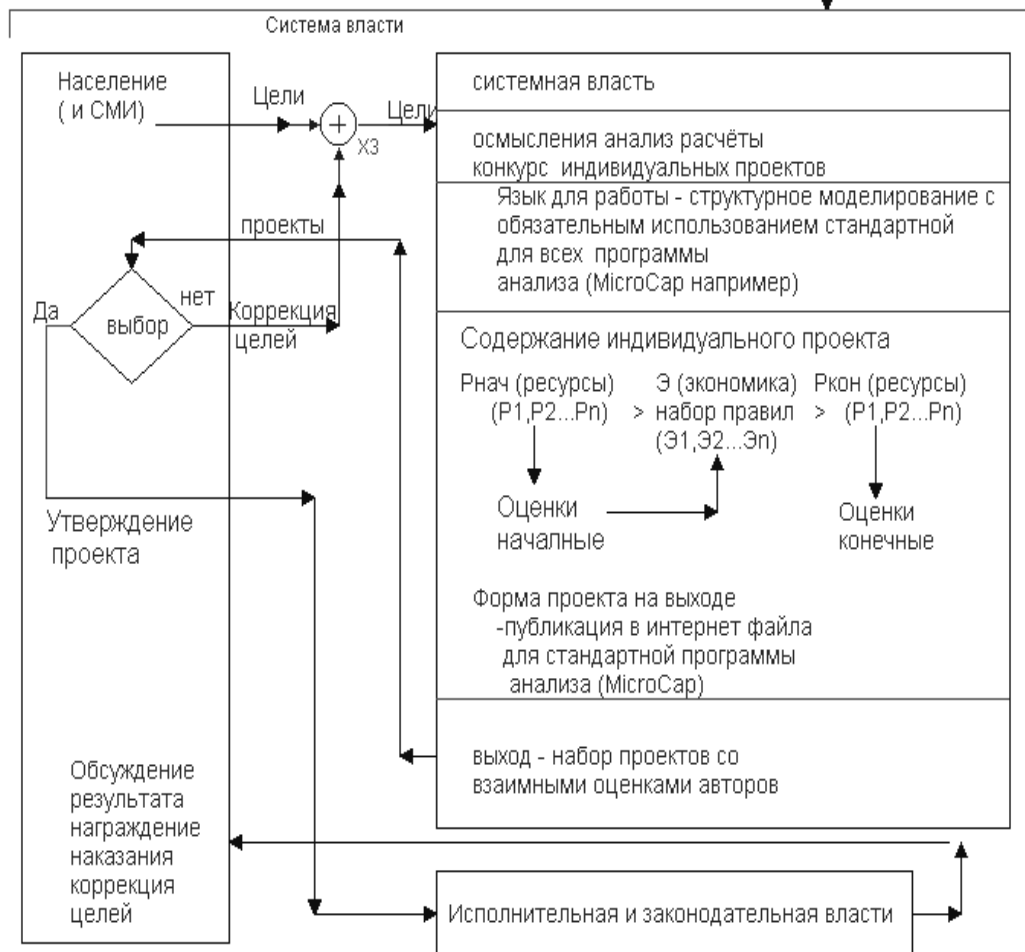
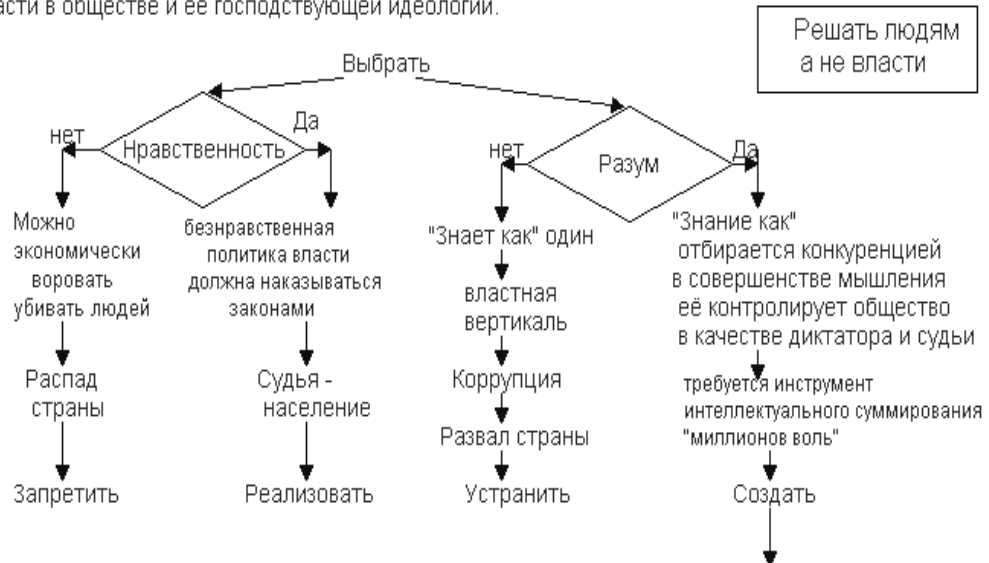
Существенной особенностью предлагаемого является введение понятия системной власти как высшей власти в стране, и вынесения этой власти за границы чиновничества и правительства. Деятельность системной власти подобна деятельности в спорте, где суть действий аналитиков никак не зависит от правительства, но исполнительная власть должна обеспечивать деятельность системной власти технически и финансово. То есть системная власть больше связана с населением, чем с правительством и подчиняется населению.

Как сравнивать проекты, или универсальный язык количественной сравнимости проектов

Из структурной схемы и из ранее изложенного следует, что проекты системных аналитиков должны обладать количественной сравнимостью, иначе невозможно определять проект победитель. То есть, должно быть ясно при рекомендации проекта насколько «потом лучше будет жить» в цифрах. Для этого всем надо считать ресурсы страны и каждого жителя. В центре внимания должен быть баланс – сколько ресурсов потрачено, сколько приросло, и важности этих ресурсов. То есть реализация любого проекта это воздействие на экономику посредством траты ресурсов, создания их, и всё с учётом известных всем законов экономики.

Поэтому для понимания всеми (населением) должен существовать количественный для всех язык представления ресурсов и экономики. И на этом языке должны представляться результаты проектов действий аналитиков. И это для того, чтобы квалифицированная часть населения могла проверить на своих компьютерах адекватность реальности предлагаемого в проектах и самим

То, что мы все хотим зависит не столько от заявленной цели, сколько и от способа функционирования власти в обществе и её господствующей идеологии.

Главная цель преобразований - согласовать интересы личности с интересами власти.
 Люди не должны хотеть бежать любой ценой от государства (власти),
 Для этого нужно изменить власть и способы её функционирования.
 Общество начинает исполнять роль хозяина в стране и приводит разум к власти

Технология преобразований
 референдум > учредительное собрание > новая конституция

Являемся ли мы(общество) дееспособным? Если - да . то это будет работать.

Всё предложенное идёт от разума, но власть имущие сейчас нравственности и разума не имеет
 - власть придётся отнимать силой!

выбирать лучший (а не полагаться на то, что «они там специалисты и сами решат»...). Всё в экономике страны должно быть прозрачным.

На этом же языке должны разговаривать мы, авторы проектов. Только тогда можно каждому видеть достоинство своего и других проектов(и недостатки). Реально необходимый нам язык реализуется в виде программы, позволяющей в графическом редакторе задавать вашу исследовательскую систему в удобном для вас виде, то есть понимание экономики как функциональных связей имеющих там понятий. Эта же программа должна позволять вычислять любые требуемые пользователю функции оценки хода экономических процессов во времени.

Конкретный файл этой программы может быть чьим то проектом , содержащим его модель экономики, его представление о ресурсах страны.

При наличии такой программы и файлов к ней любой владеющий программой может по почте получить файл – проект и анализировать его и видеть даже последствия, не предусмотренные автором

Только тогда возможно высказать квалифицированные возражение, если это необходимо.

И ещё о совершенстве мышления

Работа с упомянутой программой и её файлами есть моделирование. То есть, продвинутый способ мышления. А мышление это средство познания путём воссоздания реальности в мозгу и анализа с целью понимания, в тех случаях, когда невозможно чувственное познание. Данный способ познания экономической реальности с применением программы моделирования есть пример совершенного мышления. Возможности здесь расширяются более чем на порядок. По этому непонятно почему авторы на нашем семинаре- обсуждении не применяют в своих проектах этот инструмент. Без него сравнивать проекты невозможно.

Отсюда вывод: Повсеместное массовое использование моделирования есть очень простой и доступный способ совершенствования мышления. И преступно его не использовать в нашем положении. Математическая формулировка задачи оптимизации управления государством с точки зрения эволюционного выживания страны

$$\mathbf{П = P \times N \times M}$$

Где \times - знак умножения

$\mathbf{П}$ – потенциал государства,

\mathbf{P} – суммарные ресурсы (включая возможности людей),

\mathbf{N} – общее число людей в государстве,

\mathbf{M} – совершенство мышления людей

Требуется такое управление, при котором растёт потенциал $\mathbf{П}$ максимальными темпами при росте каждого из сомножителей.

<http://kond.nextmail.ru/index.html>

Благополучие одних
едва ли было бы заметно,
на фоне процветания всех.

Желание их
свой утвердить успех
заметней и ценней
в контрасте с нищетою.
А воплощение их мечты
предполагает,
что спокойною рукою
они подачками способны
возместить
всё унижение ближнего,
другого,
потерю его облика,
достоинства бывшего...

Какую радость
доставляет им успех,
когда за счёт других идёт
и против всех?

Наталья Гай

